

СИНИЙ ОГОНЬ

Рассказы и отрывки из романов и повестей

Новокузнецк
2022

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

СИНИЙ ОГОНЬ

Рассказы и отрывки из романов и повестей

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2022

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С38

С38 **Синий огонь** : рассказы и отрывки из романов и повестей / сост. – Калашников Н.Н.; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2022. – 72 с.

16+

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В новой книге прозы КЛФ «Контакт» публикуются рассказы «контактовцев», а также отрывки или отдельные главы повестей и романов наших авторов, в большинстве случаев не опубликованные (или публиковавшиеся только в интернете). Для Марии Мурахиной в данном сборнике – первая публикация. 7 рассказов и 3 отрывка из романов и повестей, думается, дают картину разнообразия литературных интересов авторов «Контакта». Возобновлена рубрика «Гости «Контакта». Опубликован рассказ капитана Кемеровского КЛФ «Странник» Николая Баховца.

Не враг. Противник

Отрывок из повести «Воин без сожалений»

– Что... Где это я?.. Ты?!

– Я. Принесла тебя сюда, в свой дом. Ты замерзал. Могла случайно прокусить доспехи. Прости за это.

– Зачем спасла? Я же твой враг.

– Не враг. Противник. Ты здесь, чтобы сразиться со мной. Хочешь испытать себя, не убить меня. Должен поправиться. Вернуть силу.

– Мне Орден приказал убить тебя...

– Заставить делать – легко. Заставить хотеть – труднее. Люди не властны над чувствами других людей. Некоторые – и над своими. Ты не хочешь убить меня. Ты хочешь сразиться и победить.

Звякнула глиняная посуда.

– Пей.

– Что это ещё такое?

– Отвар целебных трав. Согреет. Прояснит мысли. Не яд. Оставила бы тебя в лесу.

Убедившись, что лекарство выпито до капли, «принцесса» приняла обратно глиняную миску.

– Ты силён и храбр. Увернулся от моих стрел. Видел, как надеваю шкуру. Сопrotивлялся холоду два дня. Отогнал волков. Усмирил медведя. Почти догнал меня. Но лес сильнее. Лес помогает мне.

Варево в закопчённом котле над огнём принялось негромко булькать.

– Ты мог убить всех волков магией. Зарубить медведя мечом. Убить проще, чем успокоить или напугать. Но не стал. Потому и спасла. Люди, уважающие лес, находят здесь то, что ищут, и опасности обходят их стороной.

– Кто ты такая?

– Я – хранительница леса. Это мой дом, потому его защищаю. Не делаю зла тем, кто не вредит. У меня нет имени. Люди зовут «принцессой терний и тьмы». Ты тоже можешь.

– У меня тоже нет имени. Но люди зовут меня «демоном просвещённого человечества». Будем знакомы. До чего странно, я сижу у огня рядом со своим врагом, спасённый им, и разговариваю с ним по душам...

– Не врага. Противника. Противники существуют ещё и для того, чтобы учить друг друга. С противником можно поговорить. Иногда приятно.

– Если ты живёшь в своём лесу, защищая его, и не делаешь зла простым охотникам, почему же Орден хочет твоей смерти?

– Не знаю. Думаю, мы слишком разные. Полу-гра-мот-ные люди не любят тех, кто не похож на них. Боятся тех, кого не понимают. Алчные и свирепые. Но не все. Ты говоришь со мной.

– Полуграмотные?..

– Те, что живут на востоке. Занимаются наукой и магией. Строят машины. Верят в образ Создателя, о котором говорит твой Орден. Стараются понять мир головой. Не получается. Охотники, что приходят в мой лес – простые. Не понимают мир головой, но понимают сердцем.

– Ты знаешь о Создателе? О людях на востоке? Как это – понимать мир сердцем?

– Вопросы потом. Сейчас – есть и спать. Поговорить будет время, Демон.

– Но ведь...

– Ешь! Для тебя старалась!

«Принцесса» плеснула в глиняную миску густой, наваристой похлёбки.

– Демон, значит... Ладно, Принцесса, твой лес – твои правила.

– Вот именно. Ну как?

– Соли не хватает... Грех жаловаться, из всех похлёбок, что я когда-либо ел, эта самого странного происхождения. Я ведь даже не знаю, что ты за существо...

– Расскажу всё, что захочешь. Но позже. Ешь.

Константин ЕГОРОВ

Как зародилась жизнь на Земле

Сначала была иголка в яйце, а яйцо в утке. Шёл мимо верблюд, да прошёл через угольное ушко прямо в утку. Вошёл и говорит:

– Тук-тук.

Мышка-норушка отвечает:

– Кто там-м? Кто там-м? Кто там-м?

Верблюд объясняет:

– Я верблюд, на мне горб надут. Иду во тьме, во мгле, ищу жизнь на Земле.

Мышка-норушка возмутилась, говорит:

– Ах ты волчий прихвостень. Ну держи гранату.

Верблюд взял гранату, посмотрел и начал бить. Бил-бил – не разбил. Зайчик-попрыгайчик бил-бил – не разбил. Лисичка-сестричка била-била – не разбила. Жук в муравейнике бил-бил – не разбил. Мышка-норушка говорит:

– Лохи.

Побежала, хвостиком махнула, граната и разбилась. Верблюд вскочил на волка и поскакал в тридевятое царство спасать Ивана-дурака. Волк хвостом погоняет, верблюд следы замечает. Следы смотрят, их кто-то замечает и за кого их вообще держат. Обиделись и пошли войной на Северный Азкабан. И нашли там большой барабан. До сих пор дети в этот барабан бьются, а их родители плачут и смеются. И вот вам смешно, а мне грешно, искусство – в массы, а молодёжь на танцы. Детям цветы, бабам мороженое, и пусть никто не уйдёт обиженным. Тьфу, наоборот, извините.

Иван-дурак и Бабья Яга

У Бабьей Яги было четыре ноги и широкое ложе, но знать того никому негоже. А Иван-дурак был молодой, вот и пошёл в лес овладеть Бабьей Ягой. Пел в лесу «Ой, мороз, мороз», набрал на поляне букет алых роз. Пришёл по пояс в тумане, верхом на трофейном баране. Вышли из тумана тринадцать молодцев прекрасных, в доспехах дорогих и достаточно опасных. Издал Иван клич боевой, но беззвучный, и достал свой меч-кладенец двуручный. А меч у Ивана непростой, он не только лупит недругов стальной полосой, он ещё бьётся с врагами двумя руками с кулаками.

Стал Иван-дурак молодцев мечом бить, а тремя запасными руками брагу пить. Видят враги, что тянется Иван-дурак к стакану, взяли и нанесли ему обширную рану. Не может Иван согреться, потому что поразили его тринадцать стрел в самое сердце. Стал Иван-дурак наземь падать, да заодно

стянул на пол бархатну скатерть. Уронил кадку с пальмой и два горшка с цветами, да вдобавок опрокинул тазик с пирогами.

Поел шей и вспомнил, где живёт Кашей. Пока падал вбок, накопил сена стог. Пока падал в сторонку, забрал из садика чужого мальчонку. Пока падал по всему лесу, полюбил двух служанок и одну баронессу. Затем проник во дворец и, гроша не имея, женил на царевне конюха Еремея.

Вот какой отчаянный Иван-дурак нечаянный.

Пунктуалов и Перст Судьбы

У гражданина Пунктуалова с детства росли во рту грибы. Поэтому его однажды коснулся Перст Судьбы. Это не было для него как привет или здрасте. Скорей можно сравнить с оскалом львиной пасти. Это никак не было подобием простой щекотки. Это как получить пробоину в лодке. Просто без предупреждений и полутонов гражданина Пунктуалова кинуло во тьму веков.

Гражданин Пунктуалов во тьме веков себя обнаружил, и ему показалось, что он тут никому не нужен. Вокруг скакали одни татаро-монголы – с немецкими касками на головах, по пояс голы. У нашего героя вырвались из груди стоны и вопли. Тогда высунулся из ближайшего облака Перст Судьбы и повелел прекратить размазывать слёзы и сопли.

– Ты, – grit, – должен немедленно победить врагов и вырвать Родину из оккупационных оков. И никакого, – говорит Перст, – не вижу горя я. А на тебя, ты посмотри, смотрит вся человеческая история.

– Дай хоть танк, – говорит Пунктуалов, – и два пулемёта.

– А вот шиш тебе, – сложился Перст в огромную фигу отчего-то.

– Ну что же, – вздохнул гражданин Пунктуалов, – делать нечего.

И в этом вздохе столько было искреннего и человеческого. Тут обнаружили его татаро-монголы, до русских продуктов падкие, и говорят, типа эй пейзаин, дай курку, млека и яйца им. Тогда Пунктуалов выкатывает из кустов мотоцикл с коляской фирмы «Иж» и говорит:

– Эй, татаро-монгол, чего глядишь. Тащи, – говорит, – мне танк и два пулемёта, а это забирай себе, мне владеть неохота.

Так вот два батальона татаро-монгол наш герой отправил в тыл на поиски имущества, а третьему батальону стал показывать свои физические преимущества. Две роты бойцов он вызвал на татами и там их накормил коноплём и лопухами. Три взвода врагов лежали под столами и лавками и кололи друг друга зубочистками и булавками. А одной дивизии противника он показал, как делать сеппуку. Они теперь лежат в овраге и не могут поднять ни ногу, ни руку. Тем временем прибыли два батальона татаро-монгол с танками и пулемётами и застали Пунктуалова за такими вот потешными заботами. Вывел тогда Пунктуалов 13 танков и 150 пулемётов против врага, и долго сказка сказывается, а битва была не долга, вот оно как оказывается. Взял наш герой в плен 28 армий разных наций. И не было в

этом никакой профанации. Освободил Пунктуалов территорию от Шанхая и до Лиссабона и принёс этим врагу немало физического и морального урона.

После этого на поле битвы построил Пунктуалов грандиозный Дворец Советов с Лениным наверху. Ленин показывает куда-то вдаль, а мне хочется рифму со слогом «ху».

Теперь в деревнях мужики спокойно вставляют в землю свой плуг, а их дети играют в игры на смартфонах фирмы «Самсунг».

Надежда КАЛАШНИКОВА

Проклятье и милость

– Желтогривый, не слишком ли много ты на себя берёшь?

Знакомый хриплый голос заставил Аслана повернуться. За спиной Птицеликого привычно клубились сизые тучи. Руки его были скрещены на груди, сам он смотрел вниз.

Там виднелись склоны арченландских гор. Рядом с одной из них расположился замок, сам по виду мало отличимый от окружавших его серых скал. Круглые птичьи глаза цепко наблюдали за ослом, которого со странным почтением белокожие люди передавали людям темнолицым. Последние не преминули тут же склониться перед ослом, на что тот лишь задрал морду и заревел. Видимо, его не радовали ни крытая золотом повозка, в которой ему предстояло путешествовать через Великую пустыню, ни прочие почести.

Осла погрузили в повозку, и запряжённые в неё лучшие калорменские кони потрусили прочь от страны, которую столь неудачно пыталась завоевать великая империя.

– То есть твой... потомок нападает на мои владения, а много на себя беру я, – обманчиво ласковым голосом сказал Аслан. – Неудивительно, что у калорменцев в массе своей отсутствует совесть – с эдаким-то покровителем...

– Завоевания по части Азарота. А война вообще плохо сочетается с совестью, – хмыкнул Таш. – Любая. Когда твои короли занимались зачистками после Белой Ведьмы, тебя ничего не смущало.

– Там была нечисть, – возразил Аслан. – К тому же нечисть агрессивно настроенная. У них не было иного выхода, если они хотели сохранить Нарнию и светлых её созданий в мире. Твой же царевич...

– Тоже считал, что воюет с нечистью, – перебил Таш. – Образ врага с обеих сторон создавался столетиями, Желтогривый. Мне твои вообще пришили лишнюю пару страшных скрюченных рук, – демонстративно покрутил он самыми обычными человеческими руками, быть может, с ногтями излишне острыми, но никак не жуткими когтями. – Тебя прозвали демоном, что ходит в снегах, повелевает полчищем бесов... И ты хочешь, чтобы он в единый миг отбросил всё единственно из-за прекрасных глаз твоей королевы?

– Он мог бы поступить по чести, если уж так приспичило воевать, – покачал тяжёлой головой Аслан. – Верховный Король не гнушался посылать вызов даже нечисти, отравившей Стремнинку. Много народу

полегло, прежде чем сообразили, в чём дело... Но и тогда он остался рыцарем. Твой же царевич если и понёс в чём урон, так в собственном непомерном эго. И этого оказалось достаточно, чтобы уподобиться вору и разбойнику, крадущемуся в ночи. Как достойно – казнить бесчинствующие на окраинах Калормена шайки и вести себя ничуть не лучше их главарей!..

Таш вновь хмыкнул:

– А второй король, помнится, говорил, что вся эта чепуха с вызовом – пустая трата времени. Что этакая дрянь будет раздавлена, и её надо давить, а не расшаркиваться с ней. И судя по тому, сколько ворон слетелось на поле битвы, он был в чём-то прав, не находишь? В том бою даже твои прекраснотушные нарнийцы не брали пленных.

Крытая золотом повозка неспешно двигалась по пустыне, поднимая тучи песка.

– Хочешь сказать, я не прав, наказывая за нежелание принимать отказ и уважать чужой выбор? За непомерные притязания, за неумение вовремя остановиться?

Таш помолчал. В сизой туче за его спиной то и дело вспыхивали белесые молнии, но грома не было.

– Я был бы рад, если бы калорменцы избавились от указанных тобой недостатков, – вздохнул он наконец. – Но ты хочешь от них слишком многого. Природные условия, менталитет, обычаи... Всё это мало способствует прогрессивным ценностям, привнесённым в Нарнию извне. Ты просишь того, что на их этапе развития... присуще немногим. Ты смотришь на них изредка и со стороны, я же с ними всегда. Поверь – я страдаю от калорменских бесчинств и невозможности изменить людскую натуру куда сильнее.

– Однако же такие души рождались и задолго до Рабадаша, – возразил Лев. – Ему есть с кого брать пример. Если бы он захотел. Взять хотя бы его деда в восьмом колене, отменившего отвратительный обычай человеческих жертвоприношений. Твои люди... предложили его тебе сами. И ты не отказался. Знаешь, после этого слышать претензии о моих королях смешно, Клювастый.

– Предложили его мне люди, сбежавшие из твоего Арченланда, – тихо сказал Таш, и лицо Льва сложилось в странную гримасу, словно ему было больно. – Потерянные, разбитые, обречённые на медленную гибель в песках под палящим солнцем. Они не умели ни сажать культуры, росшие в пустыне, ни орошать поля, ни строить дома в отсутствии камня. Я встретил их – и внял их мольбам. И принял их подношение, хоть оно и показалось мне странным. А потом сложились обычаи, обряды...

Аслан брезгливо поморщился:

– Всё началось с того, что ты просто убил человека ради его красавицы жены. По ту сторону платяного шкафа есть схожая легенда, и хорошего в ней мало.

– Он умер сам! – не согласился Таш. – Оказался слишком слаб... я не люблю слабых.

– Ты не спас его – это всё равно что убить. И разделил ложе с едва овдовевшей красивой женщиной ради своей прихоти. А потом ещё с одной. И ещё. И...

– А зависть, говорил один демиург, – грех, – вернул Птицеликий. – Чем считать моих женщин, мог бы сам принять более антропоморфный облик и прогуляться... да хоть до младшей из твоих нынешних королев. Она не откажется. Она влюблена в тебя по самые уши. Ты и сам рад её пестовать...

Гримаса Льва стала ещё брезгливее.

– Не сравнивай примитивные формы отправления религиозных чувств, свойственные архаичному сознанию, которого не коснулся свет истины или был им отвержен, – с сознанием обновленным. Дух превыше тела, и я прививаю вкус как раз к такой любви. Именно за ней – вечность.

Таш, не отреагировав на выпад, ожидаемо предпочёл прицепиться к неудачной фразе:

– По твоей собственной логике, ты убил Нарнию. Ты не защитил её, когда пришла Белая Ведьма. Мы слабее тебя, Аслан, но мы втроем – я, Азарот и Зардинах – не дали ей сделать и шага в Калормене. У калорменцев полно проблем и не всегда верные методы их решения, но пусть люди разбираются с людьми. А зло такого рода – забота истинного Хозяина. Ты же позволил разорить твой дом и оставил его на сто пятнадцать вёсен – без весны. И всё ради того, чтобы нарнийцы радушно приняли четверых детей?.. Будь я нарнийцем, я бы возненавидел твоих королей.

Лев вновь перевёл взгляд вниз. Осёл, доставленный в Ташбаан, был всё также окружён золотом, – что делало его серую шкуру ещё более нелепой, – получал лучшие овощи и свежесорванный репейник, а великий визирь преклонял перед ним старые колени.

Время внизу и здесь, средь золотистых облаков, текло по-разному.

– Я не испытываю ненависти к твоим тисрокам, – печально сказал Аслан. – Даже моё наказание продиктовано любовью. И верой. Я верю, что Рабадаш может исправиться. Ослиная шкура – лишь способ достучаться до неразумного. Я предлагал ему смириться, предлагали другие. Он отверг всех. Он не слышит. Что ж, я заговорил на языке, ему доступном.

– Ты его с кем-то путаешь, – качнул головой Птицеликий. – Он не дитя, чтобы принять урок с лёгкостью, тем более из рук... лап того, кого считает демоном. Ты зовёшь себя милосердным, но мои дети – занимающиеся работорговлей, жестокие и хитрые мои дети – говорят:

Нет милости – прощать рабов покорных,
Прости того, чей бунтом полон крик!*

Его дед в восьмом колене, столь почитаемый по сей день – он ведь тоже бунтовал. Против тогдашних порядков, устоявшихся традиций, людской косности и злобы... против меня и прочих богов. – Таш усмехнулся. – Ну,

* Омар Хайям

я не в счёт, я вообще люблю таких. Но тисрок Альрадин, прозванный Победителем, понравился тебе. В конечном счёте он одержал самую трудную победу – победу над собой. Он учил этому других, и продолжает – даже после смерти. А началось ведь всё тоже с бунта... Будь он смиренен, как учишь ты, – кровь людей до сих пор заливала бы жертвенники. Сейчас там хотя бы кровь животных. Придёт день – и лишь цветы, фрукты и печать мастерства будут украшать алтари...

– В Нарнии жертва была только одна, – сухо ответил Лев. – Калормен не способен её ни осмыслить, ни вообразить. Никому – ни богам, ни людям – даже в голову прийти не может идея божественного самопожертвования. Чтобы тем отменить все последующие жертвы.

– Я не собираюсь умирать из-за своих детей, – согласился Таш. – Я даже не убью из-за них. Если они столь немощны или глупы, чтобы позаботиться о себе, то я-то здесь причём? Но я не позволю подобраться к ним силам, превосходящим их собственные. Люди должны сражаться и договариваться с людьми, Аслан, а не с ведьмами и божествами. Будь Рабадаш на моей территории, я не дал бы тебе обратить его в осла.

– Останься Рабадаш в Калормене, в этом не было бы нужды, – мягко сказал Лев, глядя, как осёл в очередной раз делает отметку на стене копытом. Понизу оба косяка уже не вмещали отметин, а выше осёл просто не мог дотянуться.

Таш проследил его взгляд.

– «Справедливость смягчится милостью», – повторил медленно. – Клетку в десять миль нынче зовут милостью?

Голос его, и без того хриплый, почти сорвался в птичий клёкот. Запахло озоном.

– Я сказал всё, что хотел, Таш, – кротко, но твёрдо ответил Лев.

– А я – нет! – закричал тот. – Меня вообще там не было!.. Он почитает меня. В нём моя кровь. Он на моей земле – на нашей земле, Желтогривый. На земле, взлелеянной руками его предков, земле, над которой я летал долгие дни и годы, полные скуки и тоски. Я понимаю, что тебе дорога Нарния, но пойми и ты: Калормен дорог мне не меньше. Клянусь, нога Рабадаша никогда не ступит за Великую пустыню, но... позволь ему освободиться от кольца десяти миль. Хотя бы со временем. В нём кровь птичьего бога. Птица в клетке умирает, а не раскаивается.

В туче за спиной Птицеликого молнии засверкали с удвоенной силой. Следом ударил гром, и дождь обрушился на Калормен стеной. Осёл, сидевший взаперти, не видел дождя, но слышал грохот грозы и шум потока, стекавшего с крыши беломраморного дворца. Вытянул морду и заревел, забил копытами, опрокинул золотую поилку. Он рвался за мраморные стены – под дождь, благословение верховного божества Калормена. Но слуги не умели читать в душах и не понимали ослиного рёва. И осёл умолк, с трудом опустившись на задние копыта и опираясь на передние. Закрыв глаза, лишь в мыслях зывая к своему покровителю.

Аслан посмотрел на вороньего бога, взъерошенного, будто птица над разорённым гнездом. Чёрные круглые глаза пылали, так похожие на глаза человека, поносившего его – Великого Льва, лёгкого удара лапы которого было бы достаточно, чтобы человек умолк навеки. Он... не боялся. Лев никогда не считал бесстрашие безусловным достоинством, почитая выше преодоление страха. Но было что-то в полыхавших чёрных очах, в красивых чертах, искажённых, когда он требовал поединка с Эдмундом и позднее – призывал кары Таша на северные земли. На миг Аслан посочувствовал Сьюзен. Самая слабая – душевно – из Четверых, она не могла устоять перед этим напором, этой силой, безумством и буйством южного огня. Кровь бога – не пустой звук.

...И слово бога – тоже. Пусть Таш и был много слабее его. Он, Лев, мог бы вовсе остаться здесь один, не пустить никого из божков. Мог попросту не допустить образования Калормена. Но Птицеликий прав: они не обязаны во всём облегчать жизнь своим детям, иначе как тем набираться собственных сил?

Внизу стояла ночь, но осёл не спал. Ходил из угла в угол, нетерпеливо отмахивался хвостом от кусавших насекомых, мотал серой мордой. Но глаза его не были глазами животного. И раскаяния в них не было. Прежний огонь горел в них, и горел в душе, что была перед Львом как на ладони.

Не смирился. За целый год. И не смирится, даже если оставить ослиную шкуру ещё на десяток зим. Вот что с ним делать, таким упрямым?

Прости того, чей бунтом полон крик...

Таш молчал. Но в напряженно сведённых плечах, в перьях, взъерошенных, будто кто трепал Птицеликого, во взглядах, что бог то и дело кидал вниз, звучало то, что он не сказал. Тревога за сына. И... любовь?

Не сам ли он говорил, что любовь превышает языков ангельских и человеческих?

– Хорошо, – наконец сказал Аслан, и воронья голова еле уловимо вздрогнула. Смертным взглядом то вовсе нельзя было бы заметить. – Я сниму проклятье. Если найдётся человек, или зверь, или иное существо, ради которого Рабадаш согласится преодолеть положенную границу, зная, что его ждёт. И если найдётся человек, зверь или иное существо, которое последует за ним, готовое быть рядом даже в ослином обличье.

Таш ухмыльнулся:

– Смотрю, ты не слишком-то веришь, что первое и второе возможно даже по отдельности. А уж вместе и вовсе недостижимо? Хорош адепт светлого личностного начала!..

Но весь вид бога говорил о том, что с крыльев его упала непомерная тяжесть. Аслан отвернулся, пряча улыбку в усы. Он был бы только рад, спадя проклятие. Ведь это означало бы, что он победил ещё в одной душе.

– Твой праздник намечается, Клювастый, – небрежно сказал он, глядя, как к храму Птицеликого тянутся вереницей разодетые люди. Как толпа почтительно расступается, давая дорогу повозке из золота, на которой

везли осла. Никто не смеялся. Конечно, можно было подумать, что не смеются они из страха пред свирепыми стражами, сопровождавшими повозку. Но Аслан видел то в одной, то в другой душе – смущение, что стали свидетелями столь неподобающего вида царевича. Показалось злорадство – что ж, всегда будут недовольные властью. Вот мелькнуло любопытство, вот блеснуло ярким островком сострадание... Таш скривился, Аслан же смотрел на этот яркий огонь уже с открытой улыбкой.

Но та погасла, стоило вспомнить смех нарнийцев при виде обращения. Может, ему стоит заняться собственными детьми, раз они до сих пор видят смешное в чужой беде? Да, в беде врага... но кого он учил любить врагов, в конце концов? От калорменцев этого хотя бы никто не требовал.

Обернувшись вороном, Таш помчался к земле, по обычаю самоубийственно сложив крылья. Позёр. Как все языческие божки.

– Спасибо, Желтогривый!.. – донеслось слабое сквозь тучи. Лев хмыкнул.

В храме перед статуей Птицеликого с пола поднимался человек.

Наталья КОЛЕСОВА

ПОНЕДЕЛЬНИК

Первая глава из повести «Понедельник – день тяжёлый»

Колготки были последней каплей.

Бывают дни, когда все неприятности, опостылевшие обязанности, нелепые случайности, оплошности – свои и чужие – всё, что ты со скрипом, сжав зубы, но всё-таки можешь вынести по отдельности, скапливаются, стягиваются в огромный узел, который только мечом и распутаешь... то есть разрубишь.

Проснувшись, я ещё не знала, что сегодня именно такой день.

Привычно три раза отключила будильник, пытаюсь хотя бы вырванными у утра минутами наверстать недосып. Привычно же поклялась ложиться раньше – то есть хотя бы в полночь. Наконец, хоть и с закрытыми глазами, усадила себя на кровати: подъёмный кран да мне бы по утрам! Я каждые выходные принимаю решение делать зарядку, но и каждый же понедельник не могу поверить, что вообще существуют люди, которые её действительно делают...

Доковыляв до окна, отёрнула штору. Жидкий серый свет ноябрьского утра лёг на моё такое же серое лицо. Ветер, завывавший во дворе, бросал в стекло то запоздалые листья, то пригоршни ледяного дождя – заваливавшиеся подарки, ненужные ни одариваемому, ни дарителю. Бр-р-р! В такую погоду добрый хозяин... и далее по тексту. А мы вот себя выгоняем, вытягиваем за шиворот, безжалостно вышвыриваем за порог: в детский сад! в школу! на работу!

Дальше всё на привычном автомате. Короткий душ. Одежда, подготовленная с вечера. Макияж наспех. Обжигаясь – растворимый кофе, «голый», но с сахаром. В последний раз кинуть мимолётный взгляд в зеркало: какой же я ужас по утрам! Ну и не только...

У лифта нос к носу столкнулась с соседкой. Леночкой. Я называю её про себя Еленой Прекрасной. Потому что как сказке. Вот она-то наверняка каждое утро делает зарядку для тела, лица, энергополей и что-там-ещё-можно-зарядить! А также укладку волос, полный мейкап... и вообще каждый день в новой одежде. В отличие от.

– Же-неч-ка! Доброе утро-о! – пропела она, и я моментально пожалела, что зашла с ней в лифт. Надо было изобразить «ой, я же уютг забыла выключить!» и вернуться. Сейчас начнётся, ладно, если только цветочки полить в её отсутствие, но если...

Не ошиблась:

– Же-ень, можно тебя попроси-ить?

– Попросить-то можно, – буркнула я, прожигая взглядом указатель этажей. А нельзя как-нибудь побыстрее ехать?! Ленка не успела бы сформулировать свою очередную просьбу.

– Выгуляй сегодня моего Пакета, а?

Пакет – собака. Избалованная маленькая щётка с курносим носом и самомнением Царя Горы. Не знаю, почему его Пакетом назвали, наверное, спьяну. Мы с ним друг друга терпеть не можем и миримся лишь по необходимости – в виде его хозяйки, поскольку та иногда отсутствует дома по несколько дней.

– Ну Же-ень! Очень большо-ой шанс, что я сегодня не вернусь, понимаешь же, да-а-а? – Лена каким-то образом умудрилась очень похабно подмигнуть на слове «большой». – А ты всё равно всегда вечерами дома!

Ну да. Где же мне быть? Работа – дом. Дом – работа. Не выпадает мне таких *шансов*, ни больших, ни малых. Но вот как раз сегодня мы наконец-то встречаемся со Стасом, и я собиралась перед этим привести себя в порядок. Не в такой, увы, как Леночка. В относительный. Относительно меня.

– Ну Же-ень! – Соседка уже дёрнула мой рукав. – Ну всего пять минуточек выгулять! И корм дать, ты знаешь, где он лежи-ит! Ты же не хочешь оставить бедную собачку голодной?! Пакетик и так без меня тоскует, прямо сердце разрывается!

...В принципе минут за пятнадцать разделаюсь я с этой четвероногой нагрузкой. Собака и впрямь не виновата, что у неё хозяйка... гулёна. Лена заглядывала мне в лицо, поднимая ветер отчаянно хлопающими ресницами. Воссияла.

– Да? Ну ДА же?! (Да, да, пробормотала я) Вот спасибо, ты настоящий друг! Всё, пока!

И упорхнула к своей красной, маленькой и безумно дорогой машинке – она кличет её божьей коровкой. Могла бы и подвезти «друга»! Я до сих пор не знаю, где Лена работает – и даже представить не могу, кем... А-а-а, мой автобус!

К счастью, я успела втиснуться на последнюю ступеньку, хотя и получила за это чувствительный тычок в спину – то ли невошедшие пытались запахнуть меня глубже, то ли так свою досаду вымещали. Больно же! Но понять можно: с наших ебе... дальних краев выбираться в час пик – дело нелёгкое. Я упёрлась плечом в дверь (только бы стекло не выдавить), отвернулась от дышащего перегаром мужчины (зато он старательно упирался руками поверх моей головы) и обнаружила перед самым своим лицом красную дамскую сумку. Раскачивающаяся на ухабах, ямах и поворотах, она так и норовила съездить по моему носу, в то время как её хозяйка, обвив руками поручень, пристально смотрела в окно: судьбу, что ли, свою высматривает? Я отвела сумку раз, придержала два, потом потихоньку постучала по ней пальцем:

– Девушка... девушка-а... (Мстительный ридикюль ткнул меня в бровь твёрдым углом) Девушка, не могли бы вы немножко... сумочку убрать?

Хозяйка словно только и ожидала моих слов: с такой готовностью набросилась на меня сверху:

– Ну, чего тебе?! Все тебе мешают, да? (Я проглотила ответ: нет, только ты) Не нравится – ездите на такси! (Вот и классика в ход пошла!)

И так раздражённо поддёрнула сумку выше, что заехала ею уже по уху прикрывавшему меня дядечки. Тот открыл глаза с красными прожилками, покосился на свирепое лицо хозяйки и смолчал – от греха подальше. И я молчала. Главное – своего добились. А у девушки, может, проблемы какие, не выпалась или со своим парнем поссорилась. По утрам понедельника все такие нервные... Я так себя привычно успокаивала, но от незаслуженного хамства, как обычно, перехватывало горло и колотилось сердце.

Говорят, не рекомендуется называть девочек мужскими именами: Александра, Виктория, Евгения. Мол, формируется от того у них мужские качества характера: независимость, напористость, агрессивность. Но мой *Евгений*, видимо, был очень мягким, робким и излишне вежливым. Не могущим ни отпор дать, ни отстоять свои права. Короче, да. Это я. Мямля. Девушка-которая-никому-не-может-сказать-нет. И даже элементарно послать...

Зазвонил телефон. Именно тогда, когда я не только говорить, но и дышать-то не слишком могла, и вообще пришлось вылезать спиной вперёд, чтобы выпустить выходящих и успеть заскочить перед свежими входящими. Поэтому я старательно игнорировала звонок, пока перегарный мужик, вновь оказавшийся моим тесным соседом, не проворчал, болезненно морщась:

– Ты или возьми его уже или выруби на хрен, а? И так голова с бодуна трещит...

Да, похоже, надеяться, что звонящим надоест ждать ответа, не стоило. Пришлось добывать мобильник из сумки, надеясь, что эти крайне сложные в автобусной давке манипуляции не примут за сексуальные домогательства или попытку карманного воровства.

Так упорно звонить могут мне только два человека. Номер первый – мама. О, мама просто чемпион по звонкам в самый неподходящий момент! Например, когда что-то убегает или подгорает на плите. Или когда балансируешь на самом верху стремянки. И особенно – когда ты со своим парнем. Как будто у меня дома установлена тайная камера наблюдения. Всё забываю поинтересоваться у знакомых: это уникальный талант именно *моей* мамы или отличительная особенность всех матерей на свете?

Второй человек... Ну да, как раз он и звонит.

– Самохина, – хмуро сказал Артём. – Ты где?

Интересно, какого ответа он от меня ожидает? Я ведь могу и в рифму.

– Уже подъезжаю, – тем не менее культурно ответила я.

– Я сегодня кофе не успел выпить. По дороге забеги в кофейню, возьми.

– Артём, но я и так опаздываю...

– Да кто заметит? Короче, ты меня поняла.

И отключился. Я уставилась в потолок автобуса. Он прав. Ну кто моё отсутствие заметит? Это Артём – светоч, опора, надежда и вообще гений нашего архитектурного бюро. А я так... девушка на побегушках: принеси, подай, пошла на фиг, не мешай. А ведь начинали мы в «Орионе» не с такой уж большой разницей во времени. Хотелось бы, конечно, согласиться с одной моей подругой: мол, всё дело в том, что он в «штанах», то есть мужик, но самой себе врать бесполезно. Дело вовсе не в гендерных предпочтениях начальства. И даже не в особом таланте Черкасова.

Артём сумел себя поставить. Не боялся рисковать. Не боялся браться за большие серьёзные проекты и говорить «нет» директорам и заказчикам. И спорить, да, и ругаться до разрыва договоров и хлопанья дверями.

Вот теперь он ведущий архитектор. А я... по-прежнему я. По-прежнему там же, где и была. Словно бежала несколько лет по беговой дорожке на устраивающей меня скорости. Или вообще не бежала, а просто переставляла ноги, чтобы не выбросило за её пределы?

За кофе пришлось отстоять длинную очередь – наши *яппи*, или как их там теперь называют, переняли у заграничных родственников привычку завтракать в кафе. Вот кто не даёт перекусить дома или вообще сварить тот же кофе на работе? Директор не запрещает. Он у нас демократичный. Чаще всего.

Я успела пропустить впереди себя всего двух человек («проститепожалуйстамнеолькокофеятакопаздываю!»), прежде чем очередь за моей спиной начала возмущаться: «Девушка, может, тогда и всех нас пропустите?». Ну, может, люди действительно опаздывают, а меня, как сказал наш светоч и надежда, всё равно никто не заметит... Так, если я принесу кофе только персонально Черкасову, остальные обязательно поинтересуются, почему им не взяла. Кристине романо (ни капли сахара и любых полнящих молочных продуктов!), Максу раф, Алексей Алексеевичу... всё равно, хоть растворимый, лишь бы кофе пахло... ещё Юле горячий шоколад... Уже расплачиваясь, спохватилась: про себя-то забыла! Но неудобно снова дозаказывать, за спиной и так ворчат про мои «оптовые закупки». Да ладно, я же дома всё-таки глотнула! Хотя от здешнего офигенного кофейно-выпечного аромата ужасно засосало в желудке.

На нерегулируемом переходе я привычно поиграла с автомобилистами в их любимую игру под названием «Врёшь, пешеход, не уйдёшь!», снова выиграла и ворвалась в крутящиеся двери офисного центра.

– ...Оп-па! – только и сказал Артём.

Хотя мог выдать куда более выразительное слово. Или очень много. Слов. Мы вдвоём уставились на расплывающееся по его кремовой рубашке кофейное пятно: предвкушая приятное удивление коллег моим бодрящим утренним сюрпризом, я на первой скорости ворвалась в черкасовский кабинет, не вписалась в поворот, неизбежно столкнулась с хозяином, и вот...

Результат.

– Ой, – запоздало выдала я.

– Не то слово, – согласился со мной наш ведущий архитектор, оттянув ткань на груди. Своей, разумеется. – Ну ты, Самохина, даёшь! Хорошо ещё, не кипяток.

Не кипяток, но всё-таки кофе был довольно горячим, убедилась я, когда Черкасов, полурасстегнув рубашку, стянул через голову её, а потом и промокшую белую майку: на коже остался красный след. Артём отодвинул нижний ящик стола, вытащил другую рубашку в упаковке – так предусмотрительные девушки хранят на всякий случай новые колготки. Затрещал целлофан. Моргая, я смотрела, как Черкасов застёгивает белые пуговички. Глянул на меня мельком:

– Самохина, за стриптиз вообще-то деньги платить полагается! И за нанесение телесных повреждений – тоже.

Спохватившись, я отвела глаза. Схватила его сброшенную одежду, мокрым комом прижала к груди. Пообещала истово:

– Я всё выстираю!

– И выстираешь, и выгладишь! – буркнул Артём. Затянул галстук, взмахнул крыльями натягиваемого пиджака, сунул под мышку кожаную папочку и унёсся. Ой, блин, запоздало вспомнила я, сегодня же у него встреча с застройщиком! А я мало того что одежду ему попортила и задержала, так ещё и кофе не дала выпить, попытавшись отправить напрямую в желудок. Сквозь кожу. А всем известно, что не выпивший кофе Черкасов – не человек, а демон. Даже дьявол. Не то что я, простой тихий зомби. Странно ещё, что он меня по стеночке не размазал, наверное, просто времени не хватило, до встречи осталось всего ничего. Хотя спокойненько мог бы одной левой, вон как заматерел: сплошные мышцы. А раньше таким худосочным был, просто скелетиной...

Я потрогала острые уголки обшлагов артёмовской рубашки, пощупала ткань, даже щекой потёрлась: какая приятная! Надо узнать, где он их покупает, может, Стасу такую же подарить. Наверняка дорогущая! Черкасов шеголяет теперь только в подобных шмотках. Не только потому, что зарплата позволяет, но и для поддержания имиджа «Ориона» – ГАПы¹ частенько берут его с собой на встречи с заказчиками. Рубашка пахла знакомым одеколоном и свежестью: только первый раз надел?

И тут такая я! С кофе.

Первым делом попыталась отстирать пятно жидким мылом под краном в туалете. Плохая идея! Пятно чуть-чуть побледнело, но зато расплзлось медузой по всей груди, придав нежно-кремовому цвету оттенок «детской неожиданности».

Надо поискать хорошую химчистку поближе к работе. Или уже поздно и теперь только дедовскими средствами? Надо у мамы спросить: у неё, в отличие от Гугла, рецепты давние, проверенные.

¹ ГАП – главный архитектор проекта.

Родительницу несколько не удивило, что её дочь в очередной раз села в лужу. Иногда кажется, что только этого она от меня и ожидает – и может, именно поэтому я только так и поступаю. До мельчайших подробностей допросила, что и как я сделала и каков размер катастрофы. Ей бы в следователи, а не в учителя! Хотя в принципе, эти профессии где-то и как-то рядом... Перечислила рецепты, которые я подробно, хоть и с недоверием, записала. При чём тут глицерин? А «Белизна» сожрёт не только пятно, но и саму рубашку. Я представила Черкасова с прорехой на груди: буквально мишень для следующего утреннего кофе!

Надо было по-быстрому поблагодарить и отключиться, но я сообразила это, лишь когда услышала мамино привычное деловитое «так»:

– Так, надо сегодня съездить к бабе Маше. У неё все лекарства закончились. Ой-ой-ой!

– Мам, ну пусть она, в конце концов, сыночку своему позвонит!

– Она позвонила *мне*, – внушительно сообщила мама. – Сыну некогда, ты же знаешь! А ты всё равно всеми вечерами дома торчишь.

Я вздохнула:

– Мам, у меня на сегодня кое-что запланировано, а...

– Что там у тебя такого может быть запланировано! – отмахнулась родительница. – Старый человек остался без жизненно необходимых лекарств, а у тебя и сердце не болит? Список у тебя есть, купи то же, что обычно!

Можно было, конечно, сказать, что у меня свидание, но не хотелось выслушивать очередную лекцию о бесперспективности наших со Стасом отношений: надо или уже женить его на себе или решительно рвать всё и вся! Можно подумать, я могу сделать то или другое!

– Значит, договорились, – подытожила родительница и отключилась. Вот у кого следует учиться умению вовремя прерывать разговор! Высказалась по существу, требования выдвинула – а там хоть трава не расти.

Я зажмурилась и постучала головой о стол. Баба Маша была вовсе не моей родной бабушкой, а бывшей нашей соседкой по подъезду. Мама любит поддерживать такие, как она говорит, «социальные связи». Только почему-то всё больше через дочь. А ведь у баб Маши полный родственный комплект: сын-бизнесмен, невестка и внук-старшеклассник. До сих пор не могу сообразить, как и когда покупать ей лекарства стало моей обязанностью. Кстати, мама живет всего в паре кварталов от неё, в отличие от меня, ездящей из другого района. И как я теперь должна успеть и бабушку выгулять и Пакета полечить? То есть наоборот. Хорошо хоть вкусненькое приготовила ещё вчера, Стаса с работы покормлю. А вот планы привести себя в порядок, похоже, накрылись медным тазом.

Вдобавок в обед я лишилась последних денег. Ну как лишилась – пожертвовала в пользу нуждающихся.

Я как раз зависла в столовой на раздаче, соображая, что бы такого взять вкусного, но не калорийного (практически невыполнимая задача!), когда меня аккуратно постучали пальцем по плечу. Бородатый и волосатый

Алекс (Александр? Алексей?) из соседней по этажу компьютерной фирмы искательно заглядывал мне в лицо.

– Добрый день, Леночка!

Я вздохнула.

– Меня зовут Евгенией, пора бы уже запомнить!

– Ой, прости, пожалуйста! Елена, Евгения – так похоже, да? (Ага, прямо одно и то же!) Женечка, выручи, будь ласка, а? Жрать так хочется, а у меня ни копейки!

– Да у меня самой всего-ничего... – Я продемонстрировала ему внутренности своего кошелька. Проще было сунуть жалкие купюры в карман, а не таскать, раздутый от мелочи, в сумке. А карты я стараюсь лишней раз не носить, ибо с моей рассеянностью чревато. Алекс жадно изучил содержимое.

– Да мне много не надо! Рублик – парочку, а? Я сразу отдам. Завтра.

Я поглядела в кошелек, потом в его жалобные светлые глаза. Заколебалась.

– Но только до завтра! У меня самой кот заплакал...

– Да-да, спасибо, прямо с утра и отдам! Возьму три, да? – Победно потрясая вырванными с кровью дензнаками, Алекс кинулся из столовой. – Ну или через пару недель отдам, да?

– Ещё чего! – Но айтишник уже скрылся за дверью. Я ругнулась. Значит, придётся обойтись одной тарелкой супа. Ну и ладно, а то ещё вечером живот будет выпирать. И вообще, запасы в холодильнике и кухонных шкафах надо просмотреть. Если не роскошествовать (читай: пробавляться овощными супчиками и кашками на воде) можно точно протянуть неделю до следующей зарплаты. Заодно и похудею.

Рабочий день прошел как обычно. Отксерить тонну документов. Свести таблицы расходов материалов и цен на них же. Сбегать в наш же юротдел за договорами и актами. Электронный документооборот? Нет, никогда не слышали!

– Женья! Нам бумагу привезли, – сообщила Юля, положив трубку. – С вахты звонили.

– А почему сюда не подняли? – подал голос невидимый в своей кабинке Алексеич.

– Сказали, это в их обязанности не входит. Так что давай по-быстрому, пока соседи всё не растащили!

Я медленно встала. Огляделась. Юлька уже вдохновенно ваяла... то есть делала концепт. Макс говорил по телефону. Алексеич затихарился. Одна Кристина встретила мой взгляд, но лишь недоумевающе вскинула прекрасные брови: чего, мол? Я пожалала плечами: ничего. В обязанности поставщиков не входит, а в мои, значит, запросто. Ладно, все так заняты, а я как раз закончила, на лифте быстренько перетаскаю.

Быстренько не получилось: мужское имя отчего-то несколько не прибавляло мне мужских же сил и мышц, я могла утащить только одну коробку за раз. А их целых восемь!

Возвратившийся Черкасов наткнулся на меня уже на нашем этаже, когда я, удерживая на пузе предпоследнюю коробку, последнюю попросту пинала по направлению к офису.

– Ты что это делаешь?

Я глянула с неприязнью: трудно догадаться, да? От Черкасова пахло дождём, парфюмом и немного – алкоголем. О, тяжкие трудовые будни! Пропыхтела очевидное:

– Заказанную бумагу доставляю...

Он глянул поверх моей головы:

– А где все?

– Там, – мотнула я подбородком.

Артём неожиданно выхватил у меня коробку: я на автомате попыталась не отдать, да я уже буквально срослась с ней! «Половую» бумагу Черкасов отфутболил таким мощным пинком, что та проехала оставшиеся метры и влетела в раздвинувшиеся двери – просто экспресс-доставка! Кинул коробку на стол так, что подпрыгнули все стоявшие на нём принтеры-плоттеры-сканеры.

– А что, помочь слабó было?!

– Я, что ли, должна бумагу таскать? – поразилась Кристина. Алексеич привычно затихарился. Ну или так и не растихаривался. Он вообще у нас практически домовый: все знают о его существовании, но видят крайне редко. Юля схватила сразу две телефонные трубки. Макс откатился от стола и длинно потянулся на своём кресле. Подошёл к нам вразвалку.

– Мы заняты были, но наша Женька шустрая, всё успела перетаскать. – Поднял с пола испинанную коробку и водрузил поверх уже составленных у стены. Отряхнул натруженные ладони, оглядел критически, поправил стопки и подытожил: – Вот так.

Отпыхиваясь, я одёргивала перекошенную кофту и изучала ссадину и колготочную дыру на коленке: из-за коробки в руках не заметила стул, и вот результат. Вскинув глаза, встретила хмурый взгляд Черкасова. Непонятно, на кого конкретно Артём злится: на коллег, увильнувших от грузоперевозок, то есть переносок, или почему-то на трудовую пчёлку меня, но на всякий случай я сообщила быстренько:

– Да ладно, мне же не трудно!

Теперь он уже всем лицом выражал отвращение: с чего бы? Прошёл, едва не оттолкнув меня плечом, в свой кабинет, с размаху швырнул на стол папку и также с размаху шлёпнулся в кресло. Басовито загудел включенный мощный комп. Что-то наш светоч не в настроении: встреча неудачно прошла?

А вот как мне теперь до дому в таком виде добираться? Юбка мини, куртка и того короче... Вспомнив про рубашечную заначку Артёма, я пошла по девушкам. Юлька глянула на мои травмированные колготки:

– Вот потому-то я и надеваю джинсы, гораздо практичнее! Нет, запасок нет.

Кристина сообщила, что носит исключительно чулки. Это разбудило-возбудило Макса, потребовавшего немедленной демонстрации. Кристина

в ответ только лениво улыбнулась, и я позавидовала: такая улыбка стоит нескольких остроумных фраз. И перевести её тоже можно по-разному: «ещё чего!» или «смотря как будешь себя вести», нужное подчеркнуть.

Значит, придётся ещё и колготки покупать, опять потеря времени! И денег! Глянув на часы, я подхватила, чтобы никто не успел выдать мне какое-нибудь следующее наисрочнейшее задание.

– Всем пока!

Пролетая мимо вышедшего из кабинета Черкасова, я выразительно встряхнула пакетом с испорченной одеждой, выпалив речитативом: «выстираювыглажузавтрапринесу!». Притворившись, что уже не слышу его оклика: «Эй, Самохина!», припустила вниз по лестнице – пока-а лифт соберёт по этажам всех страждущих, в конце и в начале рабочего дня у нас в здании буквально образуются пробки!

Наткнулась на лестничной площадке на группирующихся компьютерщиков: судя по всему, те собирались в ближайшую пивнушку. А главным зазывалой оказался тот самый голодающий Алекс. Перехватив мой возмущённый взгляд, парень только усмехнулся, заговорщицки подмигнув. Было бы время, отчитала его, но некогда... Да и смысл? Скажет: я тебе руки не выкручивал, сама отдала! Ну а я-то каким местом думала – буду сидеть теперь на вынужденной диете, чтобы кое-кто имел возможность оттянуться! Вот так всегда: отказать людям неудобно, входишь в их положение, а потом сама же и страдаешь...

После магазина пришлось долго-долго искать общественный туалет (а ещё ругаются, что народ гадит где ни попадя, а если приспичит?!), натягивать новые колготки в тесной кабинке, стараясь не наступить на, мягко говоря, нестерильный пол; эквилибристика та ещё! А потом заскакивать в длинномер, тащившийся сквозь пробки и плачущие ноябрьские сумерки, подпрыгивать от нетерпения и в сотый раз раскладывать в уме пасьянс оставшегося времени до встречи с любимым: ох, похоже, буду я к тому моменту окончательно взмыленная и дёрганная!

Купила лекарства оптом в аптеке прямо в бабмашином доме: некогда мне сейчас выискивать, где что дешевле! Отскоблила ногтем ценники на коробках; ладно, доплачу разницу сама, мне сегодня время дороже! Собиралась отдать и сразу откланяться, но бывшая соседка продержала меня почти час. Старушка и впрямь скучала, а потому вывалила на благодарную (подпрыгивающую как на иголках) слушательницу подробности своих болезней (огласите весь список, ага!), о том, что рекомендуют для лечения врач и народная медицина. Потом последовала неторопливая похвальба, какие диковинные продукты покупают для неё дети: продемонстрированы и тут же спрятаны обратно в холодильник непочатые баночки-коробочки (наверняка будут храниться до истечения срока годности, а то и после). Когда бабушка вознамерилась притащить ещё и семейный фотоальбом, я подскочила, как ошпаренная:

– Ой, баб Маш, мне бежать надо, я ведь только на минуточку!

Теперь на автобус до дома, Пакета выгуливать!

Я вскрыла квартиру Лены. Вместо того чтобы залаять на незваного гостя, пёс безмолвно стоял в дверях комнаты, глядя на меня вытаращенными по породе глазами. Я помахала ему поводком, висевшим на ручке входной двери.

– Пакетик, гулять!

Нет бы обрадоваться прогулке, как и полагается нормальной собаке! Эта тварь всё также молча развернулась и скрылась в недрах тёмной квартиры. Предчувствуя недоброе, я рванула за ним. Так и есть! Задние лапы и пушистый хвост уже скрывались под низким диваном. Грохнувшись на колени, я таки успела за них ухватиться. Проклятая псина дрыгала лапами, то скулила, то рычала, а вытасненная, вертелась ужом, звонко клацая зубами возле самых моих пальцев, но цапнуть не посмела – ещё помнила трёпку, которую я задала ей однажды за укус (хозяйке о том мы оба благоразумно не рассказывали). Обычно я Пакету не потакаю, заставляю перемещаться самостоятельно. Но сегодня для ускорения процесса дотащила его до и из лифта, а потом бодрым маршем по улице. Бросила на мокрый газон, скомандовав грозно: «Гуляй!» То есть гадь по-быстрому, гадина четвероногая.

Разумеется, быстро не получилось. Для начала на нас нарычала тётка: ты где собаку выгуливаешь?! (а где можно выгуливать-то?), тут люди ходят (так они везде ходят!). Пакет меланхолично и безрезультативно таскался по газону туда-сюда, тётка не унималась. Пришлось перебазироваться ближе к кустам, откуда на нас немедленно вылетел безбашенный и бесповодковый ротвейлер. Пакетище совершил буквально обезьяний прыжок прямо мне в руки, и мы стартанули с такой скоростью, что нас не догнал бы не только ротвейлер, но и какой-нибудь беговой риджбек.

Грязный и мокрый пёс скулил, трясся и никак не желал спускаться на грешную землю, на которой все только и норовят обидеть бедную маленькую собачку. Я его где-то понимала: самой эти скандалы и стрессы из-за чужого любимца нафиг не сдались, но дела делать надо... И вообще, я теперь ещё и собачатиной пропахну! Потому пекинес был безжалостно выставлен на прелую листву безлюдной и бессобачной аллеи. Осмелевший Пакет немедленно развил активность – увы, пока только исследовательскую. Я устало болталась за ним, как сосиска на поводке (кто тут ещё кого выгуливает!), когда позвонил Стас.

В первый момент даже испугалась, что перепутала время встречи или что он приехал пораньше, а я тут с собакой. Но оказывается, мой мужчина звонил сообщить, что не придёт: договаривались ещё на той неделе, а на этой возникли непредвиденные обстоятельства... Я слушала и вспоминала вчерашнюю тщательную уборку квартиры, приготовление лёгких блюд (Стас любит покушать, но следит за весом, животик уже начал появляться), подготовки себя-красавицы (покраска волос, пилинг, маски, депиляция). Пролепетала:

– Стасик, ну как же так... Ты же сам всегда говоришь, что очень занят и потому надо договариваться заранее, вот мы и...

– Женья, что за тон?! – мгновенно ошетинился Стас. – И что?! Мне сейчас всё бросить и мчаться к тебе?

– Нет, конечно, но...

– Я и так долго колебался, куда идти – к тебе или на это мероприятие! И всё-таки выбрал не меня.

– Я... извини.... Я просто очень расстроилась. Очень по тебе соскучилась. Очень.

Стас недовольно сопел в трубку.

– Ну правда, прости. Я так хотела увидеться!

– Ну ладно, – уже примирительным тоном сказал мой парень. – Ну раз так получилось... В общем, я предупредил, чтобы ты не ждала. Пока.

И отключился. Я начала засовывать сотовый в карман, когда Пакет дёрнул. Такое впечатление, что на том конце поводка внезапно оказался не пекинес массой в пять кгэ, а давешний шестидесятикилограммовый ротвейлер. От неожиданного рывка я упала, выпустив поводок и уронив мобильник. Испуг, боль (блин, опять то же колено!), разочарование и обида от несостоявшегося свидания трансформировались в вопль:

– ПАКЕТ!! Ко мне, сукин ты сын, сволочь, гад! Ко мне, говорю!

Я бы не удивилась, если б от моего истошного крика содрогнулись окрестные здания, а с неба попадали оглушённые птицы. Может, так оно и было, в темноте же не разглядишь...

Но проклятая псина всё равно не вернулась.

Даже собаки меня игнорируют!

Всё ещё стоя на коленях, я собрала и соединила останки телефона, вяло удивилась: работает! Потом собрала останки себя и водрузила на скамью с прилипшими к сиденью бурыми листьями. Совершенно мокрую, да и пофиг уже. Автоматически поднесла к уху тут же завибрировавший и завопивший телефон. Конечно, именно в этот момент обязательно должен был позвонить ещё один мой вечный стрессоноситель! Вернее, стрессодоставщик.

– Самохина! – начал Черкасов. – Я же тебе говорил составить спецификацию материалов! И где?

Я даже выпрямилась: вот блин! Говорил, да, и ещё в пятницу, но я решила заняться на свежую голову в понедельник, а сегодня задолбалась-закрутилась и забыла начисто.

– Я... э-э-э...

– Прежде чем нестись сломя голову на очередное свидание, – продолжил Артём всё тем же привычным тоном: как учитель, изо всех сил сдерживающийся, чтобы не заорать на тупого ученика, – выполни свои прямые обязанности. Чтобы не приходилось отвлекать тебя во время увлекательного процесса!

Не упомяни Черкасов о моём сорвавшемся свидании, я бы тут же раскаялась и повинилась. Ещё и с утра выскочила бы пораньше – чтобы успеть всё сделать до его прихода. Но сейчас во мне поднялась такая горячая

волна злости, что вспыхнуло не только лицо, но даже от промокшей одежды, кажется, пар повалил.

– Всё знаешь обо мне, да?!

Черкасов что-то ещё вещал, но я уже не слушала – несло. Ни слов, ни выражений я не выбирала, а краткое содержание моего выступления можно было сформулировать в трёх приличных фразах: ты кто такой, как вы меня все достали, идите все туда-то, а также туда-то. Охрипнув и слегка придя в себя, я обнаружила, что мой собеседник хоть и заткнулся, но всё ещё не отключился. Только собралась сделать это сама, как Артём хладнокровно осведомился:

– Прооралась? Самохина, ты там ревёшь, что ли?

Я шмыгнула носом:

– Ещё чего! Это у меня насморк просто от... от холода.

Короткая пауза.

– Ты где-то на улице? За тобой приехать?

Я даже мобильник от уха отвела, чтобы на экран поглядеть – убедиться, что разговариваю именно с *Черкасовым*. Бывшим сокурсником и нынешним сотрудником. Выдавила сиплый смешок:

– Нет уж, как-нибудь без тебя обойдусь!

– Была бы честь предложена, – моментально отозвался Черкасов: наверняка такого ответа и ожидал. – Не забудь о спецификации. Всё!

– И тебе всё, добрый человек, – пробормотала я, сунула грязный мобильник в карман и огляделась. Всё было по-прежнему: жидкий свет тусклых фонарей, мокрый осенний ветер, тёмные силуэты людей с зонтами на фоне магазинных витрин, спешащие поскорее укрыться в своих квартирах. Недавний всплеск адреналина придавал окружающему некий оттенок обречённости. Ну что ж, пора двигать, Пакета искать. А то вон даже помощь начали предлагать совершенно неожиданные люди... Я привстала и, охнув от боли, уставилась на торчашую из огромной дыры в колготках ободранную коленку.

...Почему-то меня доконали именно эти порванные свежешкупленные колготки. Просто последняя капля.

Так я не рыдала, наверное, лет десять: захлебываясь, подвывая и причитая в том смысле: сколько можно, да когда же это кончится, да что за жизнь у меня такая!.. Хорошо, из-за непогоды никого на аллейке не случилось; иначе бы точно решили, что у меня или вся родня перемерла или обнаружилась внезапная смертельная же болезнь.

Прижимая основания ладоней к опухшим и наверняка потёкшим глазам (ой, да кому я нужна? и конкретно здесь, на тёмной аллее, и в жизни в целом), я наконец отдышалась и умолкла. Правда, ещё иногда поскуливая.

А, нет, скулила уже не только я: поставив передние лапы на скамью, помахивая грязным косматым хвостом, на меня преданно тарачился Пакет.

Я шмыгнула носом.

– Нагулялся, с-скотина?

Скотина нервно зевнула и села на асфальт. Пёс мелко трясся и то и дело принимался пищать. Замёрз. Я вспомнила, что у пекинесов из-за их

коротконосости проблемы с жарой и с холодом. Пора тащиться домой. Брезгливо подобрала изгвазданный поводок (сама-то наверняка ещё краше!), хотя надобности в нём уже не было – Пакет бодро трусил вперёд, то и дело оглядываясь: ну где ты там?

– Да иду я, иду, – ворчала я. Сейчас его ещё отмывать полчаса, не могла Леночка вместо белого какого-нибудь чёрного пекинеса взять... Вставила ключ в замок, повернула туда-сюда, безрезультатно подёрнула дверь: ну давай ты ещё не откройся, чтобы меня совсем сегодня доконать!

Дверь распахнулась так внезапно, что мы вдвоём отпрянули. На пороге стояла Лена собственной персоной.

– О! Ты дома? – спросила я по-идиотски.

Соседка скривила губы.

– Ну да. Всё сорвалось, представляешь?! В обед эта сволочь позвонила, сказал, не сможет сегодня. Вот с расстройства маникюр решила освежить, – помахала растопыренными яркими пальцами. Пахнуло лаком, Пакет чихнул. – Так что, Женечка, будь сегодня другом до конца, вымой его, а?

Чувствуя некоторую солидарность с Леной (вот, даже её сегодня кинули, что уж тогда обо мне говорить!), я с трудом стягивала промокшую насквозь обувь.

И тут до меня дошло. Значит, пока я галопом носилась по городу, выкраивая время для её проклятой собаки...

– Когда, говоришь, он тебе сообщил, *в обед*? А мне тогда почему не перезвонила, что вернёшься вовремя?

Леночка повела точёным плечиком, сказала рассеянно:

– Ну раз мы всё равно договаривались, что ты Пакетика выгуляешь... О, пора второй слой наносить! Его шампунь и полотенчику где обычно!

Я таранилась на проём гостиной, за которым скрылась хозяйка, и испытывала большое желание зафутболить туда же её «Пакетика», а потом так шарахнуть входной дверью, чтобы та из косяка вылетела.

Псина смирно переминалась на придверном коврикe, помаргивая на меня снизу влажными круглыми глазами: знает, скотина, что проштрафилась, обычно ведь всегда пытается удрать от банных процедур! Я длинно вздохнула.

– Ну, пошли, что ли...

Понимавший, что сейчас со мной шутки плохи, пекинес смирно стоял в белейшей ванне в потоках грязи и шампунной пены. Я завернула его в персональное банное полотенце с вышитыми собачками, вытерла – Пакет недовольно, но очень тихо ворчал – и легонько подпнула под мокрый хвост в направлении комнаты.

– Иди к маме!

Кукушке, так её и так.

Жаль, у меня нет дежурного выгульщика. И некому меня шампунькой вымыть, всё сама, всё сама... Я сбросила грязные шмотки на пол ванной.

Приподнявшись на носки, с печалью оглядела себя в зеркало: глаза и нос красные, колено серо-синее, ноги до самых бёдер в пятнах грязи... «Жалкое зрелище. Душераздирающее зрелище», как говорил ослик Иа в «Винни-Пухе».

Долго сидела под горячим душем, прижав к груди колени. Содранное правое саднило, распухло: хорошо, без увечий обошлось, но в ближайшие дни только джинсы. Пусть Стасу я нравлюсь больше в коротких юбках, вряд ли мы увидимся в ближайшее время. Он у меня карьеру делает. Как его девушка я это дело поддерживаю. Но опять же как его девушка грущу: видеться раз в несколько недель для развития отношений не есть хорошо.

А ведь раньше он всегда находил для меня время...

Я моментально постаралась придушить эту мысль в зародыше – проклятая гадюка поднимала голову всё чаще, нащёптывала-покусывала: потерял ко мне интерес? Или у него уже и вовсе другая есть? Да ну! Стас не из тех, кто врёт и выкручивается, уже как-то раз устраивал мне вразумляющую беседу: мол, просто он очень много работает для будущего. Хотелось бы надеяться, для нашего общего будущего... Опять начала?!

Резко повернув кран, я задохнулась под напором ледяной воды. Зато сразу все лишние мысли вон! Ожесточённо растёрлась полотенцем, запоздало пожалев о холодной шокотерапии – и без того сегодня промёрзла, таскаясь с четверолапым соседским поручением. Задумчиво постояла перед распахнутым холодильником: есть я уже давно перехотела, но надо же чем-то душеньку успокоить, как-то компенсировать сегодняшние психи. Вот всё приготовленное для Стасика и пойдёт в дело. Ещё и коньяк початый, профилактика от простуды...

Профилактика прошла на «ура» – вместе с вычищенной до блеска посудой. Да и пусть себе вкусяшки спокойно уходят в ляжки!

...Кстати, маленькая бутылка какая-то окзлась: не дливают, чт ли? Надо дпить, чего на дне зло оствлять... Ва-апще не действует, гады р-разбавляют к тмуж-же... Во-от, а теперь ж-жланиезгдать, ш-шепнуть в бтлку и прбкойзткнуть, чтоб не испарилось. Дж-ж-жинн, ты ж-же слшал моё ж-желание?! Вот и сплняй! Немедля!

Ой, блн, что ж так глвакруктятся? Устла я, да. Замаялась. Бе-едненькая. Нжноотдхнуть, да. В кроватку.

Спкнойноч-чи... ч-чи... чш-ш...

Мария МУРАХТИНА

Синий огонь

Однажды я встретил человека.

Забавно! Мы ведь видим людей каждый день. Особенно учитывая то, где я нахожусь сейчас. Но этот человек смог удивить меня и зацепить настолько, что я не забуду его, наверное, никогда.

А, может, это был и не человек вовсе?..

Звучит как бред. Но обо всём по порядку.

А начать всё надо с крайне печального и пугающего события, вполне заслуживающего слова «катастрофа».

Нет, не так.

КА-ТА-СТРО-ФА!!!

Я потерял телефон! Но убивался я совсем не из-за несчастной дешёвенькой мобилки, чтоб она провалилась (хотя уже), а из-за того, сколько на ней было важной для меня информации. Ладно бы только фотографии – номера друзей, с которыми можно связаться только по телефону и никак иначе, запарный проект на двадцать пять страниц в школу, прочие записки с важными данными...

Мы с ребятами ползали по асфальту, лазили под лавочки, ползали по полу в холле (а там была дискотека, потому все на нас орала и ругались), приставали к людям по нескольку раз, спрашивая одно и то же. Начинало темнеть, и поиски в разы усложнились – попробуйте найти чёрный телефон в темноте под тенью какого-нибудь куста!

На суету набежало ещё достаточно людей, в том числе и вожатые. На все попытки на телефон позвонить, он отвечал, что «абонент не абонент, отвалите». Не так дословно, конечно, однако звучало оно именно так.

Я мысленно перебирал места, где ещё не был. Корпус, столовая, дискотека... Площадка с качелями. Хм... Сам я там не искал, и вряд ли кто-то ещё туда заглядывал...

– Я пойду, поищу у качелей! – крикнул я одному из вожатых. Он вылез из-под крыльца и кивнул, что понял и не потеряет.

А я же побежал туда, сломя голову. Справа шла дорожка, но шла она в обход, вокруг кустов. Медлить не хотелось. Казалось, что ещё несколько минут возни, и я просто с ума сойду от неизвестности. И, была не была, ломанулся сквозь кусты.

В обычное время я бы получил за такое хорошего пенделя от вожатых, ведь эти насаждения должны были придавать лагерю красивый вид, а их все мнут и топчут. Да и сейчас, может, получу...

Да, скорее всего. Но это всё не так страшно. Почти что ерунда.

Кусты прилагали все силы, чтобы остановить меня, и, кажется, я прорвался сквозь них только силой испуга. В отместку они оставили мне дыру на футболке и несколько царапин на руках.

Но когда я наконец вырвался к качелям, я остолбенел. Это случилось больше скорее от неожиданности, нежели от реального удивления. Просто на качелях сидел мальчик. По возрасту – нечто среднее между ребёнком и подростком, светло-русые кудрявые волосы легко летают над головой. Ярко-красный спортивный костюм и такого же цвета кроссовки делали его более выделяющимся на фоне всего остального. В общем, обычный воспитанник эдак четвёртого или пятого отряда, судя по возрасту. Только вот здесь нельзя сидеть, пока дискотека, это слишком далеко. Ох, ругаться будут на это чудо, у них же правила строже...

Но мальчика это совершенно не волновало. Он сидел спиной ко мне, подталкивая качелью ногой. Но до земли не совсем доставал, поэтому делал это буквально носочком.

Повисла тишина, которую страшно было нарушать. Но пришлось, конечно...

– Прости... – мальчик обернулся и взглянул на меня очень внимательными серыми глазами. Его взгляд показался даже несколько пронизывающим. – Прости, ты не находил телефон тут?

Мальчик молча кивнул головой, приглашая подойти. Неужели нашёл! Вот это да.

Я подошёл к качелям, и он глянул на меня снизу вверх, так же серьёзно. Потом вдруг задал очень странный вопрос:

– Как ты его помнишь?

– Что? – я машинально вспомнил. Да самый обычный телефон, чёрный, со скотом на углу крышки.

– Вот он, – мальчик махнул рукой, и я даже не успел заметить, откуда взялся мой телефон. Точно мой!

– Ого, вот это фокус... Спасибо тебе.

– Это не фокус, – мальчик вернул мне телефон. – Это я так... Умею немного.

– Ну да... – я постарался согласиться, не выдавая особого скепсиса. Дети часто что-то придумывают, какие-нибудь сказки, а потом сами же в них верят.

– Ты не веришь. А я правда могу! Вот, смотри! – ребёнок сдвинул ладони чашечкой, внимательно посмотрел на них. Показалось, что в воздухе пахло озоном. Но это только на секунду. А в следующую секунду в его ладошках горел мерцающий белым шарик.

– Что это? Неужто магия? – я всё хотел узнать, что это за фокус, и надеялся таким вопросом расшевелить мальчишку. Однако понятнее не стало:

– Пространство. Я захотел и изменил его таким образом. Ведь его всяко менять можно... – и, на моих глазах, шарик превратился в капельку воды и вытек сквозь его пальцы. – Это же легко!

– Разве? – я искренне удивился. – Такого не бывает. И либо ты мне мерещишься, либо это какой-нибудь очень крутой фокус. Так?

– Нет! – я, похоже, обидел его. – Все вы верите, что это невозможно... – его голос зазвенел от слёз. – Но оно же настоящее! Я же настоящий! Настоящий, да?

Он схватил меня за руку своей тёплой и живой ладонью.

– Настоящий, конечно, настоящий... – я благоразумно решил не спорить. Да и отрицать очевидное было глупо.

– Мама говорила, что мне будет хорошо здесь... В этом лагере. А на самом деле здесь меня все только ругают за то, что я могу делать такое. Или пугаются и убегают. Ведь это невозможно... – в его голосе уже не было слёз. Просто огромная тяжесть и тоска. Он опустил голову обречённо. – Мама говорит, что почти все не могут это делать просто потому, что не верят. А как можно изучать то, к чему относишься, как к бреду? А ведь на самом деле это очень легко. Хочешь попробовать?

Я побоялся обидеть его отказом, потому, не раздумывая, сказал:

– Да. Это, наверное, интересно.

– Очень. Дай руки, – мальчик взял мои ладони в свои и сложил их лодочкой. Его руки были очень горячими. И мне пришлось пригнуться, чтобы нормально доставать до них. – А теперь поверь, что в них горит огонь. Только холодный, а то обожгёшься. А я тебе помогу.

Почему-то уже не казалось, что это игра, пусть даже самая серьёзная. И я, поддавшись этому неожиданному интересу, действительно представил, как у меня в руке горит маленький огонёк. Я не видел его, но чувствовал, как он, пока неоформленный, неясный, повис над моими ладонями. Осталось просто вложить в него немного силы, как зажечь спичку. Очень легко.

– Смотри, получилось!

Я приоткрыл глаза, которые, оказывается, закрыл. И увидел маленький синий огонёк. Мой огонёк. Вздрыгнул от неожиданности, чуть было не затушив его случайно.

– Какой странный цвет... Наверное, ты – потомок Аморклов, да?

– Кого-кого? – это странное слово было похоже на птичье курлыкание и ассоциировалось с чем-то птичьим. И вроде бы знакомым...

– Ну, Аморклов, – сказал он таким тоном, будто поясняет нечто крайне очевидное. – Это очень древний род, в котором у всех дар синего огня. Они немного люди и немного птицы. И у них почти всегда чёрные волосы и синие глаза. О них было написано в маминой книге. В ней вообще было много чего написано. Только её ребята чуть не отобрали и не порвали, потому что они мне не верят... – Он убрал свои руки от моих. Огонёк тут же начал гаснуть. Я постарался его удержать, но ничего не получилось. Выпрямился.

– Ну... Я же верю, – я всеми силами хотел поддержать этого отчаявшегося маленького человека, что стоял передо мной и не понимал, что с ним не так, почему его не принимают. – Хочешь, будем общаться?

– Ничего не получится... – его голос не сменил тональности. Он не сердится и не обижался, просто констатировал факт.

– Почему же? Ты не веришь мне? Я понимаю, что это трудно, но не стоит же так категорично... – я затараторил, но он меня перебил.

– Нет. Ты в каком лагере?

Опять странный вопрос...

– В том же, что и ты.

– Название, – он поднял голову и спокойно посмотрел мне в глаза.

– «Солнышко».

– Орёл.

– Где? – я посмотрел на небо, но никакого орла не увидел.

– Мой лагерь – «Орёл». У нас многие лагеря называют птичьими именами. Ох, зовут!

Я не успел удивиться, но прислушался. И различил еле слышный непонятный протяжный сигнал.

Где это – «у нас»? Нет и не было тут такого лагеря – «Орёл».

– Ты ещё придёшь?

– Не знаю... Я не знаю, смогу ли вернуться сюда. Но ты просто помни, что я был, хорошо?

– Хорошо, – я отвернулся на секунду, что бы скрыть печаль расставания.

– А как тебя зовут?

Обернулся. Качеля была пуста. На секунду даже показалось, что опустело что-то внутри. Только ветер раскачивал её немного. И была примята трава в том месте, где мальчик толкался ногой, когда раскачивался.

Почему-то печаль расставания была сильной. Я сел на качелю и попытался вызвать огонёк. И, конечно, у меня ничего не получилось.

На улице стало совсем темно. Мне не хотелось выходить из этой грустной задумчивости. Я просто сидел и раскачивал качелю ногой.

Пока сквозь это состояние не прорвался крик. Кого-то звали. Похоже, потеряли кого-то. Только... А это не меня ли потеряли?

Я встрепенулся, прислушался и услышал, как один из вожатых действительно зовёт меня по фамилии. О, даже не один!

Печаль моментально схлопнулась, как проткнутый шарик. И моментально навалилось осознание...

Осознание грандиозности той нахлобучки, которая меня ожидает!

Я подорвался и выбежал с площадки, как ошпаренный. Чтобы не усугублять ситуацию, даже по дорожке. Хотя они наверняка и кусты мне припомнят...

И с размаху врезался в вожатого. Того самого, которому крикнул, что на площадке с качелями. Но он, казалось, даже не заметил удара.

– Где тебя носит?! Мы обыскали весь лагерь!

– Я был на площадке с качелями. Ну, я сказал же!

– Не было тебя там! Наши туда три раза забегали. До отбоя час, дискотека заканчивается, а ты как в воду канул!

– Извините! – я решил не оправдываться, всё равно бесполезно. – Я забрёл далеко, к прачечной. И нашёл там телефон! – врать, конечно, нехорошо, но правде же не поверят...

– Поздравляю, – вожатый произнёс это с некой долей скепсиса. Сердился, но уже, похоже, не сильно. А потом переспросил уже нормально: – И где ты его там обронил?

– Да за углом, пока мы с ребятами постельное относили.

– Ох уж... – вожатый покачал головой. – Иди уж. Все уже построились, только тебя ждут.

– Иду. Извините... – мне и правда было неловко, что я заставил их так волноваться, пусть даже наверняка это была не совсем моя вина. – А вы любите шоколад?

– Какой? – вожатый явно заинтересовался.

– Молочный. Со сгущёнкой и арахисом, – папа привёз мне несколько плиток недавно, прекрасно зная, как я его обожаю.

В голове всплыло фото давно умершей мамы. Давно ещё, мне не было и года. И у неё ведь были чёрные волосы и синие глаза... Может ли это что-то значить?

– Люблю... Да ладно, сам ешь.

– Нет, я вам принесу. В вожатскую, – и, не давая ему опомниться, я убежал туда, где виднелся уже порядком распавшийся строй нашего отряда.

В тот же вечер мы вместе с вожатыми съели эти шоколадки. А потом, каждый лагерный день, я ходил на ту площадку с качелями. Того мальчишку я так никогда больше и не встретил, но – хотите верьте, хотите нет – иногда у меня получается вызвать из ладоней слабый синий огонёк.

Простое движение

Тонкой струйкой стекали в желток остатки сгущённого молока. «М-м-да... – криво ухмыльнулся Козельский, вытряхивая банку утончёнными пальцами, – сладкая жизнь имеет свойство заканчиваться». Из близко посаженных глаз его сочилась ленивая тоска, сползая к тонким насмешливым губам. В памяти всплыла пухлая пачка купюр – результат умопомрачительной цепочки сделок, проведённой им три месяца назад. С тех пор как застопорило – мёртвый сезон.

Шуршащую тишину агентства недвижимости дополняло мерное звяканье ложечки о края пиалы, в которой Козельский размешивал желтоватую массу. В этот момент он никогда не торопился. Вообще, как он понимал жизнь в свои тридцать семь, удача не терпит суеты. И уж, конечно, такую капризную девицу проглядит тот, кто вкалывает с утра до вечера. Ему ведь вечно некогда. Козельский был уверен, что упорный труд, в том числе и интеллектуальный, далеко не гарантия успеха. Иной раз самая хитроумная комбинация рассыпается как карточный домик. А бывает, одно простое движение решает всё. Вопрос в том, чтобы точно знать, где и когда сделать это движение.

Козельскому, тёртому калачу в сфере недвижимости, удача виделась в образе простоватого мужика, желательно иногороднего, слабо ориентирующегося в ценах на жильё, которому нужно срочно продать и купить. Но, собственно, доверчивый клиент сулил лишь маленький успех. Настоящая мечта его была далеко отсюда, на окраинах столичных мегаполисов, где как грибы растут новые районы. Да ведь что там делать без своего жилья и особого капитала?..

Тут Козельскому почему-то вспомнилась тётушка из дальних родственников, которая, как говорили у них в семье, человек интеллигентных кровей. Она в детстве, блестя пронизательными глазами, дёргала его за щёки, приговаривая: «Смышленный какой! Далеко пойдёшь, Алёшенька, только помни самое главное – жить надо по справедливости». Хорошо ей было так рассуждать! Она уже тогда была столичная штучка.

Так бы и пережёвывал вялотекущие мысли тёртый калач в элегантном пиджаке, разбавляя их желчью, так бы и смотрел в окно до самого обеда на проносящиеся по заснеженной улице машины, потягивая через трубочку кофе с яйцом, как он обычно и делал, если не было клиентов, но внезапно взор его оживился. Старый добрый советский автомобиль (из тех, которые уже не стоит пускать в столицу) шёл с небольшим превышением. Наперерез ему побежал небритый субъект с пузырящимися коленками, торопясь, видимо, в заветный магазинчик за углом. Хорошие

тормоза неказистого авто позволили превратить драму в комедию. Перебежчик только получил лёгкий тычок в ягодицу и картинно плюхнулся в сугроб. Отряхнувшись, он в нерешительности оглянулся на застывшего за рулём крепкого парнишку, который, чего доброго, скоро мог прийти в себя, и продолжил своё стремительное движение за спиртосодержащим товаром. А побелевший водитель в растерянности прогулялся перед бампером, смачно выругался и уехал, подумав, что высшие силы всё-таки существуют.

Тут бы делу и конец. Но не таков был Алексей Козельский! Его мобильник содержал все нужные номера. Ну а какой же автолюбитель не знает, что порой самая большая нужда в номере дежурной части ГИБДД. Труднее всего было объяснить, что он не участник ДТП и ему ничего не надо, кроме торжества справедливости. А что участников вообще нет на месте происшествия – так это нисколько не умаляет того юридического факта, которому он свидетель, причём образцовый свидетель, зафиксировавший номер нарушителя.

Уточнив на всякий случай фамилию принявшего вызов, Козельский с чувством выполненного долга откинулся в кресле, пожелав опять обратиться к своему желточному кофе. Но, видимо, провидение начало уже дёргать за свои невидимые нити.

Вошёл потенциальный клиент – бабушка... Козельский не разделял иронии своих приятелей, по поводу того, что его профессия (незнакомая, кстати, пенсионному фонду) только в том и состоит, чтобы бабушек обманывать. Её-то, старую, чёрта с два проведёшь! Уж она тебе непременно все нервы вымотает, и в итоге вместо заработка, ещё и должен ей останешься. Как раз такая вот бодренькая особа в меховом воротнике, прищурилась, окинула контору цепким взглядом и, верно угадав, где теплее, решительно направилась к Козельскому.

С меланхоличной улыбкой, как игрок, увидевший после раздачи сильные карты, просматривал он документы на квартиру. Вариант был замечательный – просто песня. Подобное место давно просил его найти знакомый коммерсант под пивной магазинчик.

Вот, наконец, Козельский положил бумаги на середину стола (ближе к себе) и, сделав задумчивое лицо, медленно потирая руки, произнёс:

– Конечно, попробовать продать можно. Весь вопрос в цене. Если не возражаете, можно выставить, пожалуй, миллиона за два.

Клиентка посмотрела на него умильно, растягивая улыбку по скуластому лицу.

– Я ведь, простите... Алексей, кажется?

– Алексей Сергеевич.

– Я ведь, Алексей Сергеевич, в ценах-то не разбираюсь. Но соседка сказала, что место хорошее. Миллиона четыре смело можно просить.

– Место как раз неважное, – нахмурился риэлтор. – Окна на центральную улицу. Один грохочущий трамвай чего стоит. К тому же первый этаж.

Дальше Козельский включил весь свой дар убеждения, чувствуя, что превосходит сам себя после трёх месяцев безденежья. В офисе даже затихли, любуясь образцовой работой с клиентом.

Но вскоре ему стало понятно, что пора сворачивать свой выход к рампе. Во всей ситуации чувствовалась какая-то фальшь. И по сути эта тётка пенсионного возраста, улыбчиво кивающая ему, – та ещё змея. Повисла пауза. Самое лучшее было сразу отказаться от дальнейшего общения. Но не таков был Алексей Козельский! Не таков!

Решив зайти с другого конца, он отзеркалил на своём лице улыбку собеседницы и сказал:

– Ладно, не будем торопиться. Вторым собственником жилья является Ваша дочь. Вот и приходите завтра вместе – продолжим разговор.

Он справедливо полагал, что при молодой договориться будет легче, однако услышал неожиданное:

– Не резон сейчас дочке по недвижимкам таскаться. Ей рожать через месяц.

– А живёт-то она с Вами? – на всякий случай уточнил Козельский.

– Да где уж там, мы же гордые, с мамой жить в центре, – прошипела собеседница. – Уехала со своим молодым дурнем на окраину города.

При упоминании о дурне лицо её приняло такое злобное выражение, что Козельский невольно посочувствовал парню, которому приходилось общаться с этой фурией.

– Там у них домишко совсем сгнил. Реально скоро развалится, – продолжила она.

И вперив в Козельского требующий сочувствия взгляд, повысила голос до визгливой ноты:

– А чего им не жилось у меня в двушке!? Я ведь всего-то и требовала, что уважения к себе! Почитания хотя бы возраста!

– Но в любом случае без согласия Вашей дочери квартиру не продать, – сухо отрезал Козельский, намереваясь заканчивать беседу.

– Насчёт согласия не беспокойтесь, Алексей Сергеевич, – сказала собеседница, расплывшись в улыбке, и, достав из-за пазухи, аккуратно развернула перед Козельским доверенность от дочери на продажу её доли в квартире с правом получения денег.

И тут, наконец, она заговорила серьезно, по-деловому.

– Квартира моя, Алексей Сергеевич, действительно стоит четыре миллиона, разумеется, если продать её под офис или ещё под какую-нибудь дрянь. Ну, допустим... около ста тысяч я Вам уступлю. А по документам оформим продажу ниже нижнего, да хотя бы за два. Кстати, заодно присмотрите мне хорошую однёшку, где-нибудь за миллион семьсот. Как говорится, нельзя же матери без жилья. Ну а сотни три, я уж так и быть отдам молодой семье на первоначальный взнос. Они сейчас и этому будут рады. Торопятся ипотеку взять до рождения ребёнка. Потом ведь могут и не дать. Зятёк-то ведь даром, что мордovorот, а зарплата-то у него на фабрике совсем небольшая.

Козельский чувствовал, что пружина внутри него закручивается всё сильнее.

– Но ведь у вас же равные доли...

– Да ведь не для того, мой хороший, мы с покойным супругом, царствие ему небесное, эту квартиру нажили, чтобы взять и отдать какому-то дурню. Ведь при таком раскладе они обо мне потом и вспомнить забудут.

– Н-е-ет, – ослабилась фурия, – пусть влезут в хомут, пусть почувствуют почём фунт лиха, а я им тут и помогу маленько. И будут у нас полная любовь и согласие. А дурень пусть...

– Знаешь что! – резко перебил Козельский, поднимаясь из-за стола – Забирай свои бумажки и уматывай отсюда подобру-поздорову!

– Как? – растерялась бабушка. – Сто тысяч ведь хотела...

– Разговор окончен!

– Ну что ж, – сверкнули после некоторого замешательства насмешливо-злобные глаза, на этой конторе свет клином не сошёлся. А тебя, мой хороший, я насквозь вижу. Принципиальный нашёлся! Посули тебе кусок пожирнее, ты про все свои принципы враз забудешь.

И уже возле дверей добавила:

– Только ничего ты от меня не получишь. Ищи дурака!

Когда «божий одуванчик» вышел, Козельский ослабил галстук и подошёл к окну, чтобы открыть его на проветривание. Какую же картину он там увидел? На месте недавнего ДТП стоял автомобиль нарушителя, а сам он что-то пытался объяснить скучающего вида гаишнику.

– Побоялся, назад приехал, – равнодушно подумал Козельский. – А может, у него блат в ГИБДД и его предупредили?

Но вот гаишник удалился, а крепкий парнишка скорым шагом направился к дверям агентства недвижимости.

– Точно блат! – упало всё внутри Козельского. – Даже знает, откуда звонили.

Перешагнув порог офиса, крупный парень лет двадцати пяти с простоватым конопатым лицом обвёл всех взглядом, и, остановив его на Козельском, нерешительно направился к нему.

– Здравствуйте, понимаете, такое дело, – сказал он добродушно. – Ехал в другую недвижку прицениться по поводу продажи дома, да вот попал в ДТП. Сперва сбежал, потом опомнился – вернулся назад. И правильно сделал. Только остановился – гаицы подъехали. Не пойму, по камерам, что ли, вычислили? Ну, вроде отделался штрафом. А тут смотрю – ваша контора. Зайду, думаю, может быть, судьба.

Через минуту Козельский уже совершенно забыл и о ДТП, и о так всколыхнувшей его фурии. Он впился глазами в документы на дом, как голодный удав в кролика перед броском. Собственно этот дом на задворках цивилизации, судя по фотографиям сильно подгнивший, ничего не стоил. Хозяин, смутившись, попросил за него двести тысяч, хотя ещё вопрос – спихнёшь ли его за сотню. Но вот адрес! Пару дней назад он получил адреса

домов и улиц, которые после Нового года попадают под программу переселения граждан с подработанных шахтами территорий. Компенсация – три миллиона! Три! Конечно, информация была сугубо конфиденциальной и по-хорошему требовала проверки. Но ведь её дал сам Философ. А гениальный специалист в сфере недвижимости с фамилией Философ, с которым они лет десять были знакомы и даже дружны, ещё никогда не ошибался.

Молодой хозяин дома, видимо чувствуя себя неловко в ситуации молчания, произнёс:

– Что за день сегодня такой. То в ДТП попадаю, то тёща мерещится. Вот когда с гаишником разговаривал, показалось, что она из вашего агентства выходит.

Козельский медленно поднял голову:

– Адрес у тётчи какой?

– Кирова девяносто пять, квартира четыре, – растерянно замигал парень.

Алексей Сергеевич снова опустил взгляд в документы, но мысли его теперь уже были далеко от них.

Наконец он, откинувшись в кресле, посмотрел прямо в глаза незадачливому зятю:

– Послушайте, мне нужна эта земля, и я сам куплю вашу недвижимость за два миллиона девятьсот.

– Это насмешка? – дрогнувшим голосом спросил парень.

– Нет, считайте это подарком Вашему будущему ребёнку.

Весь остаток дня Козельский был в смятенном состоянии духа. Вечером, оставшись в офисе один, заварив себе обычного кофе, он подошёл к приоткрытому окну и долго смотрел на усилившийся, падающий большими хлопьями снег. Тонувший в сумерках город заметало как в сказке.

«Наверное, тридцать семь уже всё-таки возраст», – подумал он впервые в жизни.

Постепенно огни становились ярче, а на душе теплее.захотелось поговорить с тем, кто смог бы понять... Вдруг словно кто-то потянул его за руку. Он, как в детстве, сел за стол и взял чистый лист бумаги...

Спустя пару месяцев Козельский размашисто шагал по брусчатке в районе Садового кольца. Только недавно у него возникло подозрение, что с программой по переселению что-то нечисто, и, возможно, злополучная сделка с домом просто лишила его доброй половины всех сбережений. И, конечно, он не мог знать, что так называемая тёща и человек, изображавший из себя зятя, уже давно получили свою долю. А большую часть денег по праву забрал Философ, который, собственно, и спланировал всё дело, включая подставное ДТП.

Впрочем, в этот час голова Козельского была занята совсем другим. Перед глазами вставали строчки из последнего письма его тётушки:

«Дорогой Алёша! Я искренне рада, что ты, наконец, написал мне. Тем более что дни мои сочтены. От рака и с деньгами не убежишь. В своём послании ты опять предстал передо мной равнодушным,

размышляющим над этическими вопросами юношей, которого я помню. А то, что у тебя временами болит душа, поверь мне, является хорошим признаком.

Своё имущество – трёхкомнатную квартиру в центре Москвы и валютные вклады в нескольких банках – отдаю тебе. Завещание не оспорят, ведь, как ты знаешь, у меня нет прямых наследников. Не скрою, склонялась всё отдать другому родственнику, но он, в отличие от тебя, обо мне даже не вспомнил.

Возможно, моё решение поможет тебе жить по справедливости...»

Алексей Козельский уверенно открыл дверь к нотариусу. Оставалось сделать простое движение – принять наследство.

Айхамар

Главы 13-14 из романа «Степень превосходства»

На четырнадцатые сутки после старта с Безымянной «Артемида» вынырнула из Ф-коридора в системе Несса, в двух пятых АЕ от Айхамара, сбросила скорость и вышла на стационарную орбиту, неподвижно зависнув над интересующим нас районом планеты. Мегарапторы не считались редкими животными, однако водились далеко не везде, чему немало способствовали охотники на крупную дичь.

Орбитальный комплекс «Айхамар», принадлежащий Всемирному институту экзобиологии, уже три года был законсервирован в связи с нехваткой средств, так что заглянуть в гости оказалось не к кому. Диана послала запросы станциям-автоматам относительно погоды, и прочего, что нам было полезно узнать, загнала всех в медотсек на прививки и посоветовала сажать корабль вместе с грузовым отсеком и прочими причиндалами, которые обычно оставляют на орбите.

– Условия для посадки идеальные, — сообщила она. — Добываете мегарапторов, сразу загружаемся и взлетаем. Затратно по энергии, зато быстро сделаем дело.

– Что скажешь, Пит? – поинтересовалась Кэт. – Ты ведь бывал здесь?

– Что скажу?.. Таких тупых тварей, как мегарапторы, ещё поискать. Не думаю, что отлов шести экземпляров займёт у нас больше одной здешней ночи.

– Это пять независимых суток, – перевёл для себя Крейг. – Что ж, приемлемо.

– Ещё как, – согласился я. – Нас вообще не сроки добычи мегарапторов должны волновать, а местные птерозавры.

– Значит, садимся вместе с «грузовиком», – сказал Малыш, устраиваясь в пилотском кресле. – Приготовьтесь, будет немного болтать.

Это мы и без него знали. Посадить корабль с такой машиной аккуратно невозможно, полностью погасить все рыбки из стороны в сторону бессильна даже самая лучшая компенсационная система.

– Будь осторожен, – предупредила Кэт. – Не нужно лишний раз оправдывать свою кличку.

– Положись на Диану, – посоветовал я. – В отличие от тебя, она прекрасно понимает разницу между такими понятиями, как «можно» и «нельзя».

Крейг только усмехнулся. Мы могли сколько угодно подшучивать над Риком; Крейг даже выдвинул гипотезу, согласно которой тот своё прозвище

«Малыш-на-всё-плевать» не заработал по жизни, а родился с такой надписью на лбу. Но, что ни говори, пилотом он был классным, и единственный среди нас мог работать в паре с Дианой со скоростью Дианы.

Посадка прошла нормально, если считать нормой ощущение, что из тебя вытряхнули все кости. Мы переоделись в комбезы. Я проверил связь со своим охотничьим киб-мастером, носившим гордое и звучное имя Суслик, и глубоко вздохнул. Не то чтобы я волновался, просто вспомнил несколько острых моментов с участием мегарапторов во время предыдущих посещений Айхамара. Мегарапторы – типичные трофейные животные, желанная добыча всякого охотника-любителя, коему не терпится повесить в холле своего особняка собственноручно добытую клыкастую харю. Это сильные, представительные хищники, похожие на живших когда-то на Земле тираннозавров, только ещё больше, и передние лапы у них развиты лучше. Тот, кто не видел, какие чудовищные прыжки способны совершать эти монстры, никогда не поверит в возможность чего-то подобного. Отправляясь за мегарапторами расслабляться не надо. Ну и о птерозаврах не стоило забывать. Собственно, сперва придётся иметь дело именно с ними.

В первом отделении грузового отсека Крейг и Малыш оседлали скутеры. Каждый из них вставил винтовку в седельный зажим и проверил готовность автоматики своей машины. Снаружи бухали выстрелы – кто-то из сторожевых роботов, выпущенных Дианой сразу после посадки, уже открыл огонь.

– Что-то быстро в этот раз, – заметил я. – Раньше до первого нападения проходило не меньше часа.

Снаружи послышались ещё выстрелы, а потом – длиннейшая пулемётная очередь. Какое-то массивное тело гулко ударилось о корпус корабля прямо над входным люком и, шурша по обшивке, скатилось вниз.

– Не думала, что птерозавры могут нападать на корабль, – сказала Кэт.

– Они не на корабль нападают, – возразил я. – Они засекли «сторожей», а сверху плохо видно, что это не добыча.

– В воздухе временно чисто, – доложила Диана. – «Сторожа» отключены. Первая двойка – на выход.

Крейг и Малыш подвели свои машины вплотную к входному люку. Из потолка и пола выдвинулись и сомкнулись друг с другом панели шлюзовой камеры. Я надел на голову обруч коммуникатора – Суслик тут же опустил перед моим лицом экран, похожий на большие солнцезащитные очки без оправы, и выдал на него доступные данные.

– Проверка связи, – сказал я. – Малыш, Крейг?

– Мы тебя слышим, Пит.

– Вторая двойка – на выход, – сказала Диана, пропустила нас с Кэт в шлюз и открыла внешний люк.

Сойдя по трапу, я покосился на изуродованный пулями труп птерозавра, убитого «сторожем». В воздухе началась стрельба, и ещё одно тело шлёпнулось на землю, подняв облако пыли. Этот ящер был покрупнее первого – в длину метра три. Размах крыльев у такого должен быть не меньше

двенадцати метров. Но все равно мелочь по сравнению с по-настоящему большими.

– Молодняк, – пояснил я подошедшей Кэт и указал стволом винтовки на карусель тёмных силуэтов в небе. – Старые стервятники держатся поодаль. Сейчас собьём ещё несколько, остальные сообразят, что с нами шутки плохи, и уберутся подальше. Эй, наверху, мокрухой сильно не увлекайтесь, больше стреляйте по крыльям.

Корабль стоял на открытой со всех сторон каменистой площадке, поросшей чахлой белесой травой. На севере темнели горы, на западе возвышалось изрезанное ущельями плато. Я видел подробные снимки этого края, сделанные с орбиты Дианой – идеальное место для гнездовий птерозавров; экземпляры, составляющие наш теперешний «почётный караул», оттуда. Там же, скорее всего, находятся логова мегарапторов.

На восток и на юг простирались необъятные равнины, покрытые рошицами деревьев и зарослями кустарников – охотничьи уголья мегарапторов и птерозавров, которые они прекрасно друг с другом поделили. Первые – теплокровные, и охотятся ночью. Вторые почти все хладнокровные, и оттаивают только через несколько часов после восхода солнца, когда становится по-настоящему тепло.

Я занял позицию для стрельбы с колена, Кэт обогнула корабль и встала с другой его стороны. Пристраиваясь поудобнее, я успел мимоходом пожалеть зубастых летающих бедняг, вся вина которых заключалась в их непомерном аппетите, но тут один из них попал на прицел, и я нажал на спуск. Ящер кувыркнулся в воздухе, а я уже искал новую жертву, стараясь выбирать совсем молодых: они глупее, а значит – наглее, и могли доставить нам куда больше неприятностей, чем крупные и опасные, но осторожные «старрики». Да и большую часть молодняка всё равно съедают свои же.

С противоположной стороны корабля тоже доносились выстрелы, а уж в небе пальба шла как в тире – Крейг с Малышом развлекались вовсю. Десятка три птерозавров, неловко и часто махая пробитыми крыльями, потянулись в сторону гор, остальные взмыли высоко вверх. Некоторые опустились на землю поесть тела сородичей – тех, что упали далеко от корабля. Диана сообщила, что число жертв достигло десяти, и я решил, что хватит. До заката оставалось часов пять, вряд ли кто ещё за это время рискнёт сунуться, даже если мы здесь ляжем и уснём на солнышке. Кэт вывела из грузового шлюза транспортную платформу, роботы obsługi закинули на неё все оказавшиеся поблизости трупы, и Кэт, отбуксировав дохлых птерозавров примерно на километр, вывалила их на съеденье оставшимся в живых дружкам. Больше они ни на что не годились – ни один из дневных видов давно не пользовался на рынке спросом даже в качестве трофеев. Поймать их не составляет труда – большую часть ночи они проводят в своих убежищах в скалах, в состоянии лёгкого окоченения, а под утро уже и крыльями не шевелят. Просто подлетаешь к ним на катере и упаковываешь как надо прямо на месте, потом цепляешь тросом и

втягиваешь лебёдкой в трюм. Все, кто хотел иметь живые экземпляры, уже их имеют, то же самое и с чучелами. Охотники давно потеряли надежду заполучить хоть один заказ на их поимку – ящеры чудесно размножаются в неволе, только кормить успевай, и всякий желающий может приобрести нужное число особей в любом зоопарке.

Восемь наших «сторожей» выдвинулись на защиту периметра; ещё двое, бросив ходовые платформы, вскарабкались на громоздкий сундук грузового отсека. У нас оставалось полно времени до начала охоты, поэтому мы решили воспользоваться случаем и устроили пикник на свежем воздухе. То есть всё организовала Диана, а нам оставалось только наблюдать, как трудятся корабельные «жучки». После двух недель в закрытом пространстве появляются первые признаки аллергии на корабельную столовую, а обедать на природе нам не придётся до высадки на Тихой. На Соломонии состав атмосферы не позволяет дышать без маски, а на Инферне будет не до пикников. Я подумал о космонавтах первых межзвёздных экспедиций, обречённых целые десятилетия странствовать в космосе, и мне стало жутко. А ведь были ещё и корабли поколений, рассчитанные на то, что к месту назначения придут не те, кто стартовал с Земли, а лишь их потомки... Минут пять я пытался решить, что хуже, – лететь всю жизнь туда, куда тебе заведомо не светит добраться, или быть рождённым с единственной целью продолжить путешествие родителей с планеты, которую ты никогда не видел, на планету, куда тебе лично, в общем-то, не было нужно. В конце концов, я пришел к выводу, что любой из вариантов достаточно скверный. Все эти ребята – герои, конечно, и открыли человечеству дорогу в космос, но я не хотел бы оказаться на их месте, поскольку хорошо чувствовал себя на своём собственном.

– О чём задумался? – поинтересовался Крейг.

Я сел на раскладной стул и пристроил винтовку рядом. Только что я попытался вспомнить, как звали командира Первой межзвёздной, и не смог. Да и вряд ли кто-то кроме историков вспомнит. Вот и становись после этого героем.

Малыш сложил руки рупором у рта, повернулся ко мне и заорал:

– Крейг спрашивает тебя: «О чём задумался»? Базовый лагерь вызывает Пита Дугласа, отвечайте!

– Ну тебя к чёрту, и Крейга твоего тоже, – ласково отозвался я, принимаясь за еду.

Диана потрудилась на славу. Правда, стейки из замороженного мяса не идут ни в какое сравнение с шашлыком, который ты сам себе готовишь над костром из собственноручно подстреленной дичи, но я не такой уж любитель этих дел. А некоторые охотники, привыкнув пробовать мясо убитых ими экзотических животных, превращаются в настоящих наркоманов. После соответствующей обработки есть можно практически всё, даже в полевых условиях. А на Земле и других планетах существует целая индустрия производства деликатесов буквально из чего угодно. В некоторых

ресторанах вам предложат блюда из животных, доставленных со всех концов Галактики, причём заведение гарантирует, что зверь будет умерщвлён непосредственно перед приготовлением обеда. На Безымянной, у того же Дагена, можно сделать заказ с утра и получить желаемое к полудню.

Я размышлял обо всём этом, расправляясь с бифштеком из самой что ни на есть простецкой говядины, а Малыш как будто подслушал мои мысли:

– Когда я познакомился с папашей Лори... ну, мистером Паркинсоном, нашим заказчиком на перламутровых питонов, мне довелось попробовать знаменитую «Принцессу Соломонии». Ломтики этих питонов под майонезным соусом. Потом мы ели их в грибном соусе. Потом – под пряным соусом с настоящими соломонийскими травами. И ещё под соусом...

– Не поняла, – перебила его Кэт. – Эта семейка что – питается одними питонами?

– Может, мы зря с ними связались, – сказал я. – Если они не в силах позволить себе никакую другую пищу, кроме продукции собственной фермы... Ты уверен, что хорошо проверил их платёжеспособность, Крейг?

– Это была презентация, – прервал нас Малыш ничуть не смутившись. – Были приглашены гурманы со всего света и профессиональные дегустаторы экзотических блюд. Мистер Паркинсон хотел доказать, что мясо питонов, выращенных по специальной технологии, ничуть не хуже, чем у диких. Он не только фермер, но и сторонник защиты природы.

– Не слишком распространённое сочетание, – заметил я. – Можно назвать десяток планет, где кроме животных в загонах не осталось никаких других. Именно стараниями фермеров.

– Ну а этот не такой, – сказал Малыш. – Он хочет сделать рекламу своему хозяйству, расширить дело и одновременно сохранить перламутровых питонов на Соломонии.

– Напрасные потуги, он не первый, – сказала Кэт, помахав в воздухе вилкой. – Настоящие лакомки никогда не променяют мясо диких животных на мясо домашних, в каких бы условиях их ни выращивали. Для них большая часть кайфа в том и заключается, чтоб есть мясо зверей *добытых*, понимаешь? А другие и этим не довольствуются, сами выезжают на место, чтоб охотиться на то, что потом съедят. О сафари для гурманов слышал?

– Да, – ответил Малыш. – И даже участвовал – как запасной стрелок. О-о, это было большое дело! Фирма «Галактическое сафари» заключило договор с «Клубом любителей путешествий и активного отдыха» с Кадикса. Насмотрелся я там этих «любителей». Разные люди – промышленники, политики, богатые лодыри, и даже учёные. Богема ещё – художники, режиссеры, актёры... Многие просто помешаны на первобытном образе жизни, им нравится ощущать себя дикарями и вести себя как дикари. Туши животных, не требующих обработки, сами разделявают, обязательно вручную. Кое-кто при этом ест сырое мясо, лишь слегка его присолив. Ну и всё прочее в том же роде.

– Это ерунда, – сказал я. – А ты слышал про ребят вроде Живоглота Хадсона?

– Про Живоглота слышал, конечно. Но его самого не встречал.

– Ну а мы с Кэт знали его лично. Работал у Джонни Берка, отличный охотник, кстати. Он не просто сырое мясо любил – ему было надо живое. Поймав животное, связывал его, разделывал и ел по кусочкам. И если ты думаешь, что Хадсон – это исключение какое-то печальное, так ты ошибаешься, я таких знал до черта.

– Ничего удивительного, – ввязался в разговор Крейг. – Это лишь развитие до крайних пределов некоторых человеческих пристрастий. Испокон веков отдельные виды употребляются в пищу живыми.

Кэт постучала костяшками пальцев по столу:

– Может, хватит? Вы мне весь аппетит испортили!

– Это мы специально, – поспешил я её порадовать. – Надеялись, что ты встанешь и уйдёшь – нам бы больше досталось.

– Почему ты всегда стараешься выглядеть обжорой и лакомкой? – поинтересовалась она. – Все же знают, что ты не такой. Тоже хочешь заработать какое-нибудь прозвище?

– «Обжора Дуглас» – это звучит, – одобрил Малыш.

– А ты вообще молчи, – сказала Кэт. – Уж если кто из нас четверых обжора, так ты.

Крейг молча уткнулся в тарелку, делая вид, что его здесь нет. На деле-то самым большим любителем вкусно покушать среди нас был он.

– Конечно, я не обжора, – сказал я Кэт. – Просто люблю обедать плотно и с удовольствием. А сырое мясо – это чтобы тебя добить – я тоже пробовал. Ещё в детстве. У моего отца была ферма на Хапи... И сейчас есть, как ты знаешь. В лесу, недалеко от дома, мы с братьями охотились на всякую мелкую дичь с луками и мелкокалиберками. Потом жарили мясо над костром, воображая себя то индейцами, то трапперами времен Дикого Запада, то первопроходцами космоса, потерпевшими крушение на неисследованной планете. Заводилой у нас был Фрэнк, но и остальные старались как могли. Однажды мы играли в первобытных людей, и Билли, который уже тогда увлекался историей и археологией, сказал, что неплохо бы попробовать съесть добычу сырой, ведь у самых древних людей огня ещё не было. Мы попробовали, но никому не понравилось. Потом, в армии, на занятиях по выживанию, нас тоже заставляли есть и сырое мясо, и много ещё такого, от чего и стервятника стошнило бы. Клянусь, ни одному самому рьяному фанатику экстрим-туризма даже и в голову не пришло бы есть то, чем приходилось питаться нам. И с тех пор я больше всего на свете люблю самые обычные, хорошо прожаренные бифштексы.

Кэт отодвинулась от стола вместе со стулом и задумчиво посмотрела на меня.

– Чем ты займёшься, когда придётся уйти на покой? – неожиданно спросила она.

– Если удастся скопить достаточно денег, куплю большой участок на какой-нибудь тихой, спокойной планете с хорошей природой и ровным

климатом... Не на Земле. Но и не в пограничных мирах. Лучше там, куда уже добралась цивилизация, но ещё не успела всё испортить.

– И что ты там будешь делать? Устроишь ферму?

– Нет, – решительно сказал я. – На моём куске земли всё останется как было. Я только построю дом. Одна половина будет обычная, современная, а вторая... Там будет так, как было веке в двадцатом – двадцать первом. Или ещё раньше – как у первых американских поселенцев. Как у тех русских, что осваивали когда-то просторы Сибири. И те и другие – мои далёкие предки. Ну, иногда я буду охотиться на своей земле... Так, как это делали они, для пропитания. Ночевать возле костра в лесу, жарить над огнём мясо. Иногда, может, буду уезжать, странствовать по другим планетам, как сейчас. А потом возвращаться домой. И мой дом будет местом, куда стоит возвращаться.

– Двадцать минут до захода солнца, – сообщила Диана по громкой связи. – Около двух часов до наступления полной темноты. Через два часа десять минут взойдёт первая луна. Две другие – за ней следом. Четвёртая появится через шесть с половиной часов. Пятую этой ночью вы не увидите вообще, но всё равно будет очень светло.

– Что с температурой? – спросил Крейг.

– Восемнадцать градусов по Цельсию на закате, потом будет падать, но медленно. Часть дневных птерозавров останется активна, насколько долго – уточню позднее. Вампиры, естественно, будут активны всю ночь, будьте внимательны.

Из всех местных летающих ящеров только чёрные вампиры приспособились к ночному образу жизни – словно специально, чтобы ночная охота на планете никому развлечением не казалась. Они плохо переносили жару и вылетали из гнёзд только когда становилось достаточно прохладно. Мы ещё ни одного не видели; зонды, запущенные Дианой над районом лагеря, тоже не фиксировали никого, кроме дневных обитателей. Среди всех птерозавров чёрные вампиры считались наиболее опасными. К счастью, встречались они редко – что одновременно снижало риск встречи с ними и создавало определённый спрос на их чучела.

«Жучки» уже успели прибрать со стола остатки нашей трапезы, сам стол разобрали и утащили в недра корабля. Солнце Айхамара налилось тяжёлым багровым свечением и коснулось линии горизонта. Мы сидели, лениво развалившись на стульях, перебрасывались ничего не значащими фразами, наблюдая, как последние птерозавры, пировавшие на телах своих убитых соплеменников, нехотя поднимаются в воздух и, сделав «круг почёта» над нашим лагерем, улетают к месту ночного отдыха. Двигаться никому не хотелось, торопиться было некуда, и так приятно было видеть над собой настоящее небо. Диана лапочка, конечно, но все её попытки превратить твою каюту во что-нибудь более уютное и просторное,

чем коробка из-под обуви, в конечном счёте обречены на провал. Достаточно протянуть руку в сторону, чтобы убедиться – стена каюты по-прежнему на месте, а берёзовая роща, бесконечная степь за рекой и прочее в таком духе – чистая фикция.

Предвкушение предстоящей охоты на всех нас действовало по-разному. Крейг нервно позёвывал и время от времени потягивался; его длинный и тонкий нос ещё больше заострился и вытянулся, ноздри раздувались, втягивая освеживший вечерний воздух. Глаза Малыша блестели от плохо скрываемого возбуждения. Через каждые пять минут он сцеплял пальцы, пытаясь похрустеть суставами – уже после второго раза у него перестало получаться. Кэт ничем не выдавала внутреннего состояния, оставаясь холодной и сосредоточенной, а у меня по телу время от времени пробегал лёгкий озноб – верный признак готовности номер один.

Солнце зашло, и стало быстро темнеть. Диана включила прожектора, освещая территорию в радиусе пятисот метров от корабля. Я поднялся и надел на голову коммуникатор. Остальные сделали то же самое, и мы направились к скутерам. Кэт села с Крейгом; мне ничего не оставалось, как пристроиться сзади Малыша, хотя и я предпочёл бы другого пилота. Он рванул скутер с места, не дожидаясь команды Дианы. Проклятый экстремал! Но удержать его вдали от пилотского кресла при первой высадке сезона нереально. Мы были уже на границе периметра, когда Диана сообщила, что «сторожа» отключены, то есть можно не бояться, что они по ошибке нас собьют. Только после этого поднял в воздух свою машину Крейг.

До намеченного для охоты места, облюбованного нами ещё с орбиты, было восемь километров – не успели взлететь, как уже пора садиться. Здесь, между низкими холмами раскинулась обширная местами заболоченная долина. Ребята высадили меня и Кэт на бугорке, покрытом низкорослым густым кустарником. Полчаса мы потратили на устройство засидки, расчистив место для самих себя и проделав проходы в зарослях во всех возможных для стрельбы направлениях. Включили «хамелеоны». Судя по картинкам с зондов, получилось неплохо, и Суслик не преминул меня с этим поздравить. Малыш и Крейг, врубив все доступные системы обнаружения, облетели нашу позицию вокруг и остались довольны. Диана, которая видела всё через камеры их комбезов и скутеров, воздержалась от каких-либо рекомендаций.

– Вряд ли можно сделать лучше, – сказала она. – Но всё равно, будьте осторожны. Избегайте лишних движений.

– Диана, солнышко, не беспокойся, мы не собираемся подпускать мегарапторов на расстояние поцелуя, – сказала Кэт. – А шевелиться так и так придётся, я не хочу прирасти к этому бугру.

Мы с ней лежали почти рядом, но головами в разные стороны, наблюдая каждый за своим сектором. Малыш сделал ещё один круг, над самой землёй, иногда останавливаясь, – выпускал из багажника скутера роботов-имитаторов. Миниатюрные машины тут же разворачивались в конструкции, похожие на двухметровых тонконогих пауков, посылали короткий, слышимый

только нами и Дианой сигнал готовности и скрывались внутри заданных бортовыми инфорами фантомов. И вот уже по долине неторопливо ползут четыре огромные черепахи в ребристых панцирях, с несоразмерно большими рогатыми головами на толстых шеях – миражи фалимарий, местных безобидных, неповоротливых травоядных, достигающих в зрелом возрасте массы пятнадцать-восемнадцать тонн. Каждый робот нёс в себе изрядный запас расходных модулей, которые программировались по мере надобности и могли имитировать следы, обычные или с запахом крови, помёт или пищу, которую животное якобы срыгнуло. Перед рейсом мы полностью обновили свой комплект роботов, и в деле их ещё не видели; Диана направила одного прямо на засидку, давая нам возможность оценить эффект. Скромная машинка внутри миража топала так, что земля дрожала; не дойдя до нас шагов десяти, мнимая фалимария остановилась и шумно вздохнула, обдав нас запахом пережёванной айхамарской растительности.

– Не вздумай подложить нам под нос «кучу навоза», – быстро сказала Кэт.

– Не беспокойся, я не настолько люблю розыгрыши, – отозвалась Диана.

– А если решится, это будет сразу «труп фалимарии, умершей неделю назад», – сказал Малыш.

Диана весело рассмеялась – из всех кибов так по-человечески смеяться умела только она.

– Давайте уже работать, – проворчал Крейг.

– Работать так работать, – охотно согласилась Диана. — В небе пока чисто, на земле тоже. Приступим.

«Фалимария» развернулась и потопала к маленькому озерку метрах в ста от засидки, остальные растянулись по кругу на той же дистанции от нас. Малыш облетел долину, разбрасывая бывшие в запасе лично у него «следы» и «кучи навоза». Сделав это, он заложил крутой вираж и повёл скутер вверх – его сторожевой пост находился на высоте четырехсот метров. Крейг должен был дежурить ниже, на высоте в двести метров. Как только они заняли свои места, над горизонтом взошла первая луна Айхамара. Охота началась.

Медленно тянулись минуты. Рядом со мной в траве шуршал какой-то мелкий зверёк. Зашевелилась Кэт, удобнее пристраивая винтовку. Где-то в окружавших долину холмах раздался протяжный тонкий вой. Одна за другой на небо выползли ещё две луны, стало намного светлее, но для нас это не имело большого значения. По связи время от времени слышалась переключка наших личных кибов да тихий голос Дианы, произносивший одно слово: «Ничего».

Я придирчиво проверил подствольную подвеску, заряженную капсулами с парализатором, – в порядке. Повернул винтовку боком и взглянул на индикатор боезапаса – сто процентов, естественно, а как могло быть иначе? Плавающий прицел на экране коммуникатора исправно указывал расчётную точку попадания.

– И я никуда не исчез, на месте, – угадав смысл моих манипуляций, ехидно заметил Суслик.

– Заткнись, зараза, – ответил я. – Будешь умничать – отключу к чертям.

Первая охота в этом сезоне...

«Фалимари» исправно топали по кругу. Настоящие не отходят друг от друга так далеко, предпочитая пасти плотными стадами, но вряд ли мегарапторы, когда появятся, что-то заподозрят.

– Есть один! – прервала однообразие своих докладов Диана. – Пять тысяч сто метров от засидки, и движется точно на неё.

– Вижу его! – среагировал Малыш. – Быстро идёт.

– Видишь его курс, Пит? – спросила Диана. – Скоро учует приманку.

Четыре девятьсот...

– Может, уже почуял?

– Может быть, не знаю. Ветер прямо на него.

Кэт перевернулась и теперь лежала рядом со мной. Мне положение менять не пришлось. Через двадцать минут мегараптор спустился в долину и стал пробираться в обход небольшой рощи, подкрадываясь к ближайшей «фалимари». Между нами было уже не более двухсот пятидесяти метров. Я глубоко вздохнул и постарался сосредоточиться. Первый выстрел сезона обязан быть удачным.

Суслик, контролировавший через сеть датчиков комбеза моё эмоциональное состояние, тоже занервничал и поделил экран коммуникатора сразу на шесть окон, передавая картину происходящего с самых разных точек.

– Убери лишнее, – шепнул я ему. – Зачем мне Кэт – она же рядом? И не дублируй Крейга Малышом.

– Он пройдёт ещё метров сто, – сказал Суслик, свернув ненужные окна. – Так удобно?

Я снял оба предохранителя – винтовка дважды еле заметно вздрогнула, когда первый патрон из магазина и капсула с парализатором вошли в патронники. На изображении с камеры Крейга я хорошо видел, как мегараптор подкрался к самому краю рощи. Удивительно, насколько тихо может двигаться при желании эта махина...

– Дистанция – сто пятьдесят! – сказала Диана. – Пит, он у Кэт на мушке. Вы его в любом случае возьмёте, не спешите.

Мегараптор припал к земле, изготовившись для броска. Его шея – там, где она соединялась с массивной головой, – неподвижно замерла в перекрестье прицела. Все умолкли, как будто разом онемели. Я нажал на спуск – раздался хлопок, тихий посвист ушедшей к цели капсулы, и мягко чмокнул поглотитель отдачи. Мегараптор так и остался стоять в своей напряженной позе; секунд через десять из его пасти вырвался шумный вздох, и он грузно повалился вперёд; потом перевернулся на бок. Тишина эфира сменилась поздравлениями со всех сторон, а Суслик вывел мне на экран изображение руки с поднятым большим пальцем.

– Ты попал ему в артерию, Пит! – восхитился Малыш. – Видели, как его сразу заклинило?

– Пять с плюсом, мистер Дуглас, – одобрила Кэт.

– Пит, я тебя люблю! – признался Крейг.

– Отвяжитесь, черти, – сказал я. – Сами знаете, что невозможно попасть в артерию прицельно. Просто удача. Да и какая разница, такая доза в шею его так и так взяла бы.

– Всё равно, это хорошая примета, – возразил Малыш.

– Вижу ещё одного, – сообщила Диана.

– Я же говорил!..

– Этот мой! – сказала Кэт, переползая на другое место. – Давай сюда, Пит.

Второй мегараптор приближался к долине по ветру, и чують приманку не мог, однако шёл быстро и целеустремлённо. Вскоре он показался на вершине одного из холмов и остановился, залитый лунным светом.

– Красавчик, – похвалила Кэт, нажимая на спуск.

Расстояние было слишком большим для уверенного выстрела из подвески, но она попала. Зверь застыл как статуя.

– Неужели опять в артерию? – недоверчиво выдохнул Малыш. – Вы что...

Он не договорил.

– Внимание, воздух!.. – крикнула Диана.

– Слева, Малыш! – заорал Крейг.

Мы с Кэт вскочили и увидели, как Малыш рывком бросил свой скутер вниз, а вслед за ним с молниеносной быстротой метнулась хищная тень. Над нашими головами гулко бухнула винтовка Крейга, Кэт тоже успела выстрелить, и здоровый чёрный вампир, не выходя из крутого пике, врезался в землю.

– Второй!

Я запрокинул голову, пытаясь что-нибудь рассмотреть в небе. Суслик лихорадочно менял на экране окна, ища цель. Малыш развернул скутер прямо возле нас, задрал нос аппарата в вверх, выпустил штурвал и откинулся на спинку сиденья. В руках у него была винтовка, и он открыл огонь раньше, чем я увидел то, во что он стреляет. Второй вампир завис метрах в десяти перед скутером, остановленный непрерывными попаданиями пуль, потом его отбросило назад, и он свалился в кусты неподалеку.

С минуту в эфире стояла тишина.

– Я у тебя в долгу, детка, – выдохнул Малыш. – Если бы не предупредила...

– Ты у меня давно в долгу, – успокоила его Диана. – Ещё один раз ничего не меняет.

– Я их не заметил. Какая стремительная мразь!

– Они всегда так, – сказал я. – Набирают высоту, потом пикируют. Хрен уследишь.

– И всегда охотятся парой, – пробормотал Крейг.

– А если б охотились стаями, на Айхамаре не осталось бы ничего живого, – отозвался я. – Сотня таких тварей кого хочешь задолбит.

– Жаль, что они уже никуда не годятся, – сказала Кэт. – Один весь в дырках, второй – в лепёшку. Хорошие получились бы трофеи.

– Закончим вовремя с мегарапторами – расставим сети. В пределах десятка Медоузы точно возьмут на чучела.

– На этом и порешим? – спросила Диана. – Если да, тогда по местам.

Часа два прошли спокойно. Закатилась самая большая айхамарская луна, которая вращается вокруг планеты быстрее остальных и успевает появиться на небе несколько раз в течение здешней ночи. Возле засидки шла непрекращающаяся тихая возня – мелкие наземные хищники пожирали трупы вампиров. Больше тишину не нарушало ничего, кроме мерного топота и довольного ворчания наших «фалимарий».

В полном бездействии прошел ещё час с четвертью. Мы понемногу начинали уставать.

– Вижу ещё одного, – неожиданно сказала Диана. – От вас четыре километра.

– Что-то он неправильно идёт, – заметил Малыш. – Совсем не в нашу сторону. Я к нему слетаю, а?

– Далековато. Тебя некому будет прикрыть.

– Да я ж моментом...

– Сиди на месте.

Прошло полчаса.

– Уже три километра до него по прямой, – пробурчал Малыш. – Но если ветер не повернёт, он не учует приманку и пройдёт мимо.

– Ветер не повернёт, – сказала Диана. – Все метеоусловия стабильны.

– Давайте слетаю, сброшу ему под нос «следы раненого зверя».

– Он всё ещё слишком далеко. Помни про вампиров.

– Упустим! А экземпляр-то хорош.

– Что скажешь, Пит?

– Не знаю. Он нам сейчас все мозги продолбит этим мегараптором. Может, пусть лучше его съедят вампиры?

– Ну хорошо, – уступила Диана. – Слетай, только не суй «следы» прямо ему в пасть. Передаю маршрут... Видишь? Полтора километра. А оттуда на него запах набросит ветерком. Будь умницей, Малыш. Крейг, сместись метров на триста по его курсу. А вы, на земле, будьте внимательны.

Я перевернулся на спину, оперев приклад винтовки в землю.

Малыш вернулся быстро, но пришлось ещё ждать, пока мегараптор возьмет «след». Шёл он по нему неуверенно, часто останавливался, рыскал из стороны в сторону.

– Не понимаю, – протянул Малыш, чувствуя всеобщее недоумение. – Я всё нормально сделал. Разбросал уйму модулей. Больной он, что ли?

Мегараптор подошёл вплотную к гряде холмов, окаймлявших долину, и вовсе застрял.

– Слетать, пнуть его под зад, – предложил Крейг.

Никто не отозвался, было не до шуток. Мегараптор давно должен был учуять основную приманку и готовиться к нападению, но он не шевелился. Потом двинулся вправо, обходя долину.

– Пуганый! – догадался я. – На него уже охотились.

– Если он пойдёт так, скоро учует того, которого подстрелила Кэт, – сказала Диана. – И там нельзя взять его с воздуха – кругом деревья.

– Можно попробовать сверху, в шею, у основания черепа, – предложил Крейг.

– Один шанс из ста... Погодите, повернул! Он сейчас выйдет по ложине между теми двумя холмами, видите?

Мы с Кэт не могли его видеть, поскольку между нами и этой ложинкой раскинулась роща. Суслик увеличил картинку, передаваемую камерой Крейга. Мегараптор вышел в долину и замер, опустив массивную голову к земле; передние лапы нервно двигались из стороны в сторону. Ему до рощи было метров триста, но вместо того, чтобы преодолеть эти метры, он вдруг разинул пасть, издал протяжный рёв и начал разворачиваться, намереваясь уйти. Малыш выдал в эфир протестующий вопль, нырнул на своём скутере чуть не под брюхо животному и выстрелил парализатором. Сразу после этого следовало отходить, но он оказался слишком близко к земле, слишком близко от мегараптора, и имел мало места для маневра. Разъярённый зверь непрерывно атаковал, клацая пастью и стараясь ухватить скутер передними лапами; Малыш отчаянно уклонялся от молниеносных выпадов огромного хищника то вправо, то влево, одновременно отступая назад. Тяжёлый двухместный скутер казался совсем небольшим и очень хрупким рядом с тушей бушующего монстра. Картинка от Крейга на экране моего коммуникатора прыгнула вперёд, его аппарат подлетел к мегараптору сбоку, и Крейг всадил зверю в шею одну за другой четыре парализующих капсулы. Мы с Кэт вскочили, однако могли только беспомощно стоять и наблюдать – какова бы ни оказалась развязка, мы не успевали добежать туда. Но убийственная доза парализатора наконец подействовала: мегараптор щёлкнул ещё пару раз челюстями и остановился, тряся головой. Потом его тело свела судорога, и он рухнул наземь. В эфире прозвучал торжествующий возглас Малыша.

– Возвращайтесь немедленно, чёрт бы вас побрал! – рявкнул я, выходя из состояния столбняка.

Крейг остановил машину над засидкой, откинул спинку сиденья и лёг, наблюдая за ночным небом. Малыш посадил свой скутер и слез на землю, смущённо улыбаясь. Я поманил его пальцем.

– Подойди-ка поближе, я тебе врежу как следует.

– Можешь прочесть молитву, а потом я тебя пристрелю, – поддержала Кэт.

– Твои действия были неразумны, – укоризненно сказала Диана.

– Он просто идиот проклятый, – добавил сверху Крейг.

– Ну что вы в самом деле... – проямлил Малыш подходя к нам, тщетно пытаясь сымитировать голосом и всем внешним видом что-то похожее на раскаяние.

– Молчи, – сказал я.

Мальш послушно умолк и принялся ковырять землю носком ботинка.

– Ну что, – обратился я к остальным, – первый заход можно считать удачным, за исключением безумной выходки... – Мальш обречённо вздохнул, и я пожалел его: – Охоту на этом месте предлагаю свернуть. Три мегараптора, и все в разных концах долины. Другие, если придут, обязательно наткнутся на одного из них. Если не испугаются и не отступят, то попытаются сожрать.

– В любом случае вам стоит отдохнуть, – сказала Диана. – Ваши личные кибы отмечают падение тонуса и лёгкий стресс у всех, кроме Мальша.

Мы с Кэт возмущённо развернулись к Мальшу, а Крейг пробормотал сверху что-то вроде «дуракам закон не писан».

– К тому же предстоит ещё упаковать товар, – добавила Диана.

– Пошли один зонд к телам, проверь... – начала Кэт.

– Я уже. Все трое – самцы. У последнего – многочисленные шрамы, похожие на следы стандартных винтовочных пуль, возможны обширные повреждения внутренних органов. Ещё у него старый перелом правой передней лапы, она неправильно срослась и недоразвита. Вряд ли такой экземпляр устроит заказчика. Предлагаю взять трофей, тушу оставить в качестве приманки для вампиров и расставить сети. Всей работы вместе с транспортировкой годных экземпляров часа на четыре, и основные затраты времени на транспортировку. – Диана сделала паузу. – Вы устали, лучше не заниматься этим сейчас. Есть смысл перенести лагерь сюда.

– Хорошая идея, – одобрил я. – Прикроем первых двух мегарапторов периметром, они недалеко друг от друга... Получится?

– Если поставить корабль прямо между ними.

– Вкатим им добавочную дозу, и пусть лежат. «Сторожа» задать охрану минимальной зоны, тогда они не тронут вампиров, которые будут жрать третьего или запутаются в сетях.

– Правильно мыслишь, Пит, – согласилась Диана. – Но всё равно одному из вас придется проконтролировать роботов, пока они ставят сети.

– Кому и заняться этим, как не нашему устойчивому к стрессам компаньону! – обрадовался Крейг. – Прыгай в седло, Мальш, слетаем, прикончим беднягу...

– Не нравится мне в этом болоте, – сказала Кэт, критически оглядывая местность, освещённую лунным светом и прожекторами корабля.

– Можно вернуть лагерь на прежнее место, – предложил Мальш. – Как думаешь, Пит?

– Опять поднимать корабль? – возмутился Крейг. – А энергорасход нам без разницы, да? Ну конечно, как это я забыл – ведь у нас на «Артемиде» вечный двигатель стоит!

– Скупердяй, – отчётливо произнёс я.

Крейг сделал вид, что не расслышал.

Шесть часов полноценного сна всем нам пошли на пользу. За это время в расставленные сети попались восемь вампиров. Два оказались совсем малышами, и мы их отпустили. Выпустить на волю пойманного чёрного вампира, пусть и молодого, ничуть не проще, чем поймать его или убить; мы были рады, когда эта сложная и опасная операция завершилась без жертв из числа обеих заинтересованных сторон. Сети тут же свернули и отключили робота-имитатора, стоявшего рядом с трупом мегараптора и создававшего «эффект умирающего хищника». План по вампирам можно было считать выполненным – остальных доберём по ходу основного дела.

– Я снял всё-таки со своего экземпляра шкуру, – сказал Малыш, имея в виду, что работу за него выполнили «жучки», а он стоял рядышком и приглядывал за ними. – Шрамов на ней много, но у нас в этом рейсе и места в трюме останется много. Я слышал, зарождается новая мода – на трофеи с многочисленными шрамами. Даже подделки уже появились. Животных выращивают на ферме, наносят неопасные для жизни ранения, дают им зажить. Получаются ух какие крутые зверюги, будто они всю жизнь только тем и занимались, что дрались с соперниками и ловко уходили от охотников под градом пуль. Потом их убивают и сдают трофеи таксидермистам*.

– Мода не новая, ей бог знает сколько лет, – заметил я.

– И ещё я ампутировал правую переднюю лапу, которая с уродством, – сказал Малыш. – Сунул её в морозильник.

– А это зачем?

– Зверь явно сломал её до того, как повзрослел. Может, Шанкару Капуру будет любопытно узнать, как такие переломы срастаются в природных условиях. Сувенир, так сказать. Он хороший клиент.

Что ни говори, а нашему Малышу иногда приходят в голову удачные мысли.

– Умница, – похвалил я. – Далек пойдёшь... если не станешь больше драться с мегарапторами врукопашную.

– Давайте решать, куда отправимся, – прервала нашу болтовню Кэт.

Второе место, выбранное для охоты, оказалось урожайнее первого. За два часа были добыты три особи но, к сожалению, все самцы. Переправив на «Артемиду» одного из них, мы вновь сменили место, а заодно и тактику. Крейг перенастроил приманку – теперь вместо фалимарий вокруг засидки шлялся одинокий мегараптор, время от времени издававший брачный клич. Мы с Кэт едва не оглохли, и Диане пришлось отвести «тоскующего самца» на предельную дальность стрельбы из подвески.

– Правда, с такой дистанции очень просто промахнуться, – заметила она.

– Не о чем беспокоиться, – ответила Кэт. – Будь я самкой мегараптора, ни за что не пошла бы на такой зов.

* Таксидермист – специалист по изготовлению чучел животных.

Её слова оказались пророческими. Самки так и не пришли, зато явилась целая команда самцов – выяснять отношения с соперником. К такому повороту мы оказались не готовы, поэтому вернулись к кораблю и устроили совет.

Кэт вопросительно поглядела на меня.

– Ты ведь охотился здесь, что скажешь?

– Ума не приложу. Всегда попадались и самцы, и самки.

– Диана?

– Ни в одном из отчётов подобная проблема не зафиксирована. Я бы сразу сказала.

– Может, это связано с временем года?

– Никаких особенностей поведения в зависимости от сезона не отмечено. Спариваться мегарапторы могут круглый год, чёткого брачного сезона у них нет. Но информация по животным неполная, наблюдения большей частью бессистемны. Могу предложить вот что. Самки устраивают гнёзда, обычно в пещерах, вскармливают детёнышей, но делают это как придётся. Если они находят чужое гнездо, всё равно будут кормить – чужих...

– «Крик голодного детёныша», – встрепенулся Крейг. – Информации для настроек достаточно?.. Тогда пойду, займусь.

Двенадцать часов спустя, упаковав в трюм трёх самок, мы готовились к взлёту. Впереди нас ждала Инферна.

Ланида СОКОЛОВА ЧЁРТОВА ВОРОЖБА

– Вот чё надулась, как мышь на крупу? – Эльвира, крашенная блондинка из отдела парфюма, затянувшись «Винстоном», ехидно взглянула на Катьку. Та усиленно драила полы, стараясь не слушать трёп стервозины.

– По чистому не топчись, – буркнула Катька, отгесняя её толстым задом к окну. – Курит тут каждые пять секунд!

– Катюш, я тебя «кубышечкой» назвала по-дружески, не сердись. Худеть нужно, дорогуша, – Эльвира стряхнула пепел в цветочный горшок. – А то женихов привораживать придётся, сами не прибегут.

И затушив бычок, она ушла, клацая каблукками, а Катя осталась. Одна, со своими бабьими думами...

– Советчица нашлась... – проворчала она, орудуя шваброй. – Сучка крашенная. Вешалка! Губищи накачала, а на жопу денег не хватило?!

Катька понимала, что обижается не на Эльвиру. На себя, уродину. Небольшого роста, коротконогая и пухлая, она не была красавицей. Нос картошкой, живот клинышком, какие уж тут женихи.

Со злостью плюнув в ведро, она принялась ожесточённо тереть шваброй пол, но раздумала. И так сойдёт, а в отделе пусть Эльвира сама намывает! Нужно тащиться домой, только что там делать? Сериал «Любовь за гроши» смотреть или резаться в подкидного дурачка сама с собой? Она представила убогую комнатуху, самоучитель английского весь в пыли под кроватью, рядом напольные весы. И вытерла слезинку со щеки...

Правильно говорят: кто в мае родился, тому весь век и маяться. Весна бурлила вокруг Катьки, а ей не было дела до праздника жизни. Опустив голову, она грустно брела по аллее. Мимо проходили, держась за руки, счастливые пары.

– Вот к чёрту эту весну! – Катька задела широким бедром скамейку.

Откуда-то вылетел чёрный кот, прошмыгнул под ногами и скрылся в кустах.

– Вот же гад! Дорогу перебежал, – взгляд задержался на ярком клочке бумаги, лежащем на скамье. – А это что такое? – она подобрала листовку.

«Служба "Алые паруса", привлеки-ка в жизнь самца» – крупными буквами на красном фоне. Дальше помельче: «Приворот. Отворот за дополнительную плату». И номер телефона.

«Разворот, пока ты не вляпалась в редкое дерьмище!» – скомандовал Катьке внутренний голос.

Катя, не внемля голосу разума, опасливо поглядев по сторонам, сунула бумажку в карман и поспешила домой.

Задёрнув в комнате шторы, она присела на край кровати и долго пялилась на листовку. Глубоко вздохнув, всё же набрала заветные цифры.

– Служба поддержки одиноких баб «Алые паруса» слушает, – ответил в трубке энергичный женский голос. – Позвольте уточнить, вы «разведёнка с прицепом» или классическая ОБ? Мужчинку впервые у нас привороживать будете?

– А что такое ОБ?.. – растерянно пролепетала Катя.

– Всё ясно, полная ТП, – констатировав этот факт, голос в трубке заметно погрустнел. – Дорогуша, включай громкую связь, будешь следовать моим указаниям.

Через полчаса обалдевшая Катька стояла в прихожей перед большим зеркалом, изумлённо пялясь на своё отражение. В пеньюаре цвета «Бордо», кружевных чулках и туфлях на острой шпильке, она казалась себе дешёвой кабацкой шлюхой, хотя голос из телефона настойчиво рекомендовал считать себя богиней. Эти шмотки, как и алая помада, появившиеся на кровати прямо из воздуха, её почему-то не удивляли.

– Привлеку к себе самца, обряд исполни до конца! – завыл голос в трубке. – Он придёт на третий день...

– Потому что он – олень!.. – ответила Катька замогильным голосом. – Мне холодно здесь в таком виде торчать.

– Следуй моим инструкциям! Иначе вместо принца получишь коня, – сухо произнёс голос в трубке. – Ты мешаешь процессу привлечения суженого.

– Да я и сама – та ещё лошадь...

Катя тяжело вздохнула, схватила тюбик алой помады и, чётко следуя указаниям голоса из телефона, щедро намазала губы, щёки и кончик носа. Распустив волосы по плечам, она откромсала тупым ножом русую прядь, скатала её в шарик и, чиркнув зажигалкой, подпалила. Скроив страшную рожу, глядя в зеркало остекленевшими глазами, Катька нараспев стала читать заговор:

Притащи Тёмный Бог жениха на мой порог.
До кровати проводи, огради его в пути:
От дубовой скалки, от лыжной палки,
От вострого ножика, от чёрствого коржика.

С ночи – мягкая подушка, – она воздела руки к потолку, отчего груди заколыхались. – А утром – рассола кадушка!

– Прекрасно! – голос в трубке слегка потеплел. – Теперь осталось закрыть гештальты и завершить этот обряд высвобождением внутреннего крика.

– Куда орать-то?.. – обречённо спросила Катька и, не дожидаясь ответа, пояснила: – В окно не могу. Что соседи подумают?

– Сосредоточьтесь, ТП, – приказал голос. – Представьте, что ваша женская энергия подобна сжатой пружине. Освободите её! Пусть ваш крик выпустит эту необузданную силу! Сконцентрируйтесь на своих желаниях.

Катя зажмурилась, отчаянно желая сбежать сейчас из родного дома, а не орать в окно.

– Я не буду больше совершать этот глупый ритуал! – решительно заявила она. – Вдруг соседи полицию вызовут?

– Идиотка... – устало произнёс голос в телефоне. – Всё наоборот делает. Как же тяжело с вами, дурами одинокими, работать!..

– Сама ты дура! – крикнула Катька. – По-твоему, я – жирная и тупая, поэтому без мужика?!

От злости у неё в голове всё прояснилось, и сегодняшний день предстал во всей красе чередой глупостей и сплошных ошибок.

– Да пошло оно в жопу, такое колдовство!

Она стащила с ноги туфлю и, размахнувшись, запустила её в зеркало!

Звон бьющегося стекла окончательно привёл Катьку в чувство. Она осознала, что всё это время творила несусветную дичь.

– Я всё равно так и останусь одна...

Опустившись на пол среди осколков, она громко зарыдала от жалости к себе, размазывая по лицу алую помаду.

– П-п-растите, девушка, с вами всё нормально? – пьяный мужик в чёрной куртке, пошатываясь, вышел из темноты и уставился на Катьку. Та, зарёванная и растрёпанная в старом своём халате поверх бордового пеньюара, стояла у подъезда с помойным ведром, полным острых зеркальных осколков.

– Со мной всё ненормально! – всхлипнула Катя. – Вообще хреново всё. Сам не видишь, что ли?..

– Вижу! – мужик, расплываясь в пьяной улыбке. – Бабу вижу красивую! Познакомимся? Я – Лёха, а тебя как звать?

Катька от неожиданности уронила ведро.

– Для вас, мужиков, по пьянке все женщины красотки! – она запахла халат на груди. – Шёл бы ты домой!

– Не-е... – прищурился Лёха. – Я тебя ещё днём заметил. Симпатичная девка и одна. А бухой – потому что новоселье справлял. И живу в этом подъезде, – он ткнул пальцем Катьке за спину. – Выходит, мы с тобой соседи. Как зовут-то тебя, красавица? Позовёшь на чай?

«С ночи – мягкая подушка, а утром – рассола кадушка...», – подумала Катька, глядя на «суженого».

Вот же чёртова ворожба! Всё-таки сработала.

Николай БАХОВЕЦ
(Кемерово)

Танкист

– Призывник, Иван Фёдорович Потапов? – Волевое лицо, сошедшее, казалось, прямо со страниц журнала «Настоящие патриоты», лёгкая седина на висках и стального цвета глаза делали капитана призывной комиссии почти произведением искусства. Именно о таких пишут книжки и снимают кино, а главное – перед такими робеют даже самые смелые и дерзкие мальчишки. Вот и Иван, входя в кабинет, хотел бодро ответить: «Так точно, товарищ капитан!», а смог выдать из себя лишь слабое да.

– Вот ваше предписание, – военный, улыбаясь, протянул ему лист приказа.

Иван жадно впился в строчки глазами и, вдруг охнув, отстранился от прочитанного.

– Что-то не так? – улыбка слетела с лица капитана, а в голосе появились стальные нотки.

– Тут какая-то ошибка. Я же писал, что хочу в пилоты флуггера.

– Никакой ошибки нет, молодой человек, призывная комиссия, рассмотрев ваше дело, выбрала вам наиболее подходящее место службы.

– Но... в танковые войска я не хочу. Я хочу в пилоты...

– Призывник! – резко перебил его офицер. – Дома у мамки будете рассказывать, чего вы хотели, а чего нет. В армии солдат, получив приказ, исполняет его, независимо от того, чего он хочет.

Иван открыл было рот, но тяжёлый, пронзительный взгляд военного его остановил. Он почувствовал, как краснеет, и ему вдруг захотелось быть как можно дальше отсюда.

– Свободны, призывник! – рявкнул капитан, и ноги сами унесли Ивана от самого большого позора в его жизни...

Да, когда-то я был молодой и глупый. Но с другой стороны, мечта стать пилотом, на самом деле, была самой сокровенной. Может и хорошо, что она не сбылась. Кем бы я сейчас был, сядь тогда за штурвал? Возможно, сгинул в боях с Конкордией или позже с чоругами. А так мне даже повоевать-то и не пришлось.

Как не правда?..

Ах, вы про медаль, ну да, было дело. Но медаль мне тогда дали не столько за доблесть, сколько за смекалку.

Могу и рассказать. Только рассказчик я специфический, обычно издалека захожу. И не надо меня перебивать. Страсть как не люблю, когда перебивают...

Так вот, судьбе было угодно сделать меня танкистом. Честно говоря, мне это даже понравилось и в управлении танком удалось достичь определённых высот. Начав службу механиком-водителем, я по совету командира перешёл на контрактную службу и отправился в военное училище.

Только мне тогда не везло. После училища, уже командиром взвода, судьба закинула в военную часть под Иркутском, откуда нас, со слов командования, ожидала отправка на Грозный, для усиления обороны планеты в связи со сложной обстановкой на границе Конкордии. Но так и не дождались. Война началась раньше. А после всей этой диверсионной заварушки на Земле в первые дни войны, наш полк перевели под Брянск для защиты Москвы от возможного вторжения клонского десанта.

Тогда многие дома испугались не на шутку, но время шло, война отдалялась от Земли, и весь личный состав части ходил как в воду опущенный: там воюют, а мы тут в тылу как сыр в масле катаемся.

Иван одёрнул китель и постучал в дверь кабинета.

– Войдите! – раздался баритон.

– Разрешите, товарищ полковник? – открыв дверь, с порога спросил Иван. – Пакет вот вам пришёл.

– Заходи, Потапов. С чего бы это у нас вдруг лейтенантов как простых посыльных стали использовать?

Полковник Андрей Ефимович Зорин был командиром военной части. Редкая шевелюра седых волос и несколько морщин на лбу однозначно говорили о его возрасте. Немного простоватое лицо, крупный нос и глубоко посаженные глаза создавали впечатление о тяжёлом характере, но спокойный голос и несколько печальный взгляд выдавали довольно мягкую натуру. В части ходили слухи, что именно мягкость не позволила Зорину получить в своё время генеральское звание.

– Я в караулке с ребятами сидел, а тут пакет приносят. Мне всё равно по пути. Вот и взялся донести. – Иван передал пакет. – Разрешите идти?

– Отставить, – произнёс полковник, – садись, коли пришёл, разговор у меня есть.

Иван удивлённо посмотрел на полковника, пытаясь понять, о чём может быть разговор. Бесполезно, Зорин был совершенно спокоен и невозмутим.

Чувствуя, что он уже начинает походить на зависший автомат, лейтенант спохватился и, выдвинув стул, уселся за стол напротив командира.

Полковник улыбнулся и спросил:

– Чай будешь или кофе?

– Чаю. Зелёного, если можно, – Иван облегчённо вздохнул, раз предлагают чай, то ничего не случилось, и уж точно никаких провинностей он не совершал.

– Как там, в части, настроение? – гремя чашками, спросил Зорин. – Гляжу, личный состав у меня с каждым днём мрачнее и мрачнее становится.

– Товарищ полковник... – возмущённо начал лейтенант, но жест начальника его оборвал.

– У нас с тобой, Ваня, разговор неофициальный... – он сделал небольшую паузу, разливая кипяток по чашкам, – поэтому давай без званий и начистоту. Обещаю, что бы ты ни сказал, это дальше меня не пойдёт. Понял?

– Так точно, това...

– Ваня, Ваня, ну я же сказал без званий. Я сейчас для тебя просто Андрей Ефимович, а не товарищ полковник.

– Виноват, Андрей Ефимович, – Иван почувствовал, что густо краснеет. Не каждый день с полковником по душам разговаривать приходится, да и армейская жизнь уже наложила на него свой отпечаток: воспринимать кого-то выше тебя по званию не как командира было уже сложно. Не зря на гражданке про долго служивших говорят, что у них сапог в голове.

– Угощайся, – полковник поставил перед ним чашку чая и вазу с печеньем.

Иван робко протянул руку и взял печеньюшку.

– Ну, так что там, в части? – повторил свой вопрос Зорин.

– А что в части, – он захрустел печеньем, – скука. Пока наши там с клонами воюют, мы в тылу сидим. Все хотят на передовую.

– Эх вы, молодёжь. Радоваться должны, а они на передовую хотят.

– Как это так – радоваться?! – Иван чуть не разлил чай, резко поставив кружку на стол. – Тому, что мы, как трусы, тут сидим, когда ребята там, – он поднял взгляд вверх, – кровь проливают.

На спокойном лице полковника не дрогнул ни один мускул.

– В вы что, считаете себя трусами? – спросил он очень мягким голосом.

Лейтенант, уже приготовившийся возмущённо отражать все «атаки» полковника, сник. Вопрос застал его врасплох, сконфуженно опустив взгляд в кружку с чаем, он смог выдавить из себя только тихое:

– Нет, не считаем...

– И правильно, – полковник сделал глоток из кружки, – трусы, Иван, это те, кто вместо того, чтобы пойти в армию или на заводы, спрятались подальше за нашими спинами и сидят на гражданке, убеждая всех, что им никак нельзя по каким-то причинам служить. А мы – в армии, и выполняем приказы верховного командования.

Пару минут в кабинете царила тишина, нарушаемая только тиканьем старых антикварных настенных часов.

– Но ведь от нас больше пользы было бы на передовой, – нарушил затянувшееся молчание Иван.

– И что будет, если противник узнает, что Земля осталась, по сути, без гарнизонов? – Зорин укоризненно посмотрел на него.

– Клонский десант.

– Именно, Ваня, десант. Да, может, его смогли бы уничтожить на орбите, но если хоть часть кораблей сможет прорваться...

Он представил себе это. Конечно, это вряд ли бы глобально изменило ход войны, и любой десант рано или поздно был бы уничтожен. Но без сил обороны Земли дел бы клоны успели натворить много.

– Вас же учили, – продолжил полковник, – что войны выигрываются не только на поле боя, но и наличием стратегических резервов, и контролем важных позиций. Достаточно вспомнить гитлеровцев, почти дошедших до Москвы в далёком 1941 году. Если бы части красной армии, находящиеся на Дальнем востоке перевели на западный фронт, где они были ой как нужны, то Ниппон, то есть, как тогда говорили, Япония, скорее всего, напала на нашу родину, а войны на два фронта страна бы не выдержала. Сейчас мы – этот стратегический резерв, оберегающий Землю. Понимаешь это, Потапов?

Иван кивнул.

– Вот поэтому, вместо того, чтобы рассказывать мне с кислым лицом как всё плохо и как хочется в бой, я хочу, чтобы ты внушал своим людям, что всё нормально и вы лишь ждёте своего часа, который непременно настанет. Взвод всегда должен быть готов к бою, и потери морального духа я не потерплю. Всё понятно, Иван?

Вот так вот, полковник всё же устроил ему выволочку. И он был абсолютно прав, они скисли, решили, что их списали, а на самом деле они лишь делали свой вклад в эту войну, и их роль до конца ещё не решена.

– Я понял, Андрей Ефимович, – тихо произнёс он, – всё понял.

– Молодец, – Зорин тепло улыбнулся. – Ну что, допил чай?.. Давай беги и наведи в своём взводе порядок, если через пару дней увижу кого-нибудь с кислой миной, разговор уже не за чаем будет.

– Так точно, товарищ полковник! – бодро ответил лейтенант и направился к двери.

Он уже взялся за дверную ручку, когда Зорин окликнул его.

– Потапов! Знаешь, ты просто не представляешь, как тебе повезло, – губы полковника дрогнули, а в глазах промелькнула глубокая печаль, – дай бог тебе никогда не хоронить павших в бою товарищей.

Андрей Ефимович медленно повернулся к окну. Иван, сжимая дверную ручку, опустил взгляд и, открыв дверь, вышел.

Что значит, зачем я это рассказываю? Чтобы было понятно, почему мне так и не удалось поучаствовать в войне...

И, кажется, я просил меня не перебивать. Хотел ещё рассказать вам про учения и несколько забавных историй, но раз вы так нетерпеливы, то придётся перейти сразу к сути.

Иван вышел из прохладного салона автобуса под плавающие бетон лучи июньского солнца. Вдали, за частоколом забора, искажаясь в струях раскалённого воздуха, виднелась громада космического транспорта.

– Давайте, разгружаемся! – прикрикнул он на столпившихся у двери автобуса подчинённых. – Щёлкать клювами будем позже.

Хоть Иван и строжилась, но прекрасно понимал своих солдат, ему самому было крайне интересно, всё же они были на настоящем космодроме. Можно

было сказать, что их час пришёл, наконец-то они покидают Землю, если бы не одно но: война с клонами кончилась ровно неделю назад.

– Что за балаган! – неожиданно рывкнул кто-то у него за спиной.

Иван обернулся, к ним подходил их ротный командир – майор Глыбов.

– Взводные, постройте свои отделения!

Через минуту настоящего броуновского движения все четыре взвода выстроились в линейку по стойке смирно.

– Значит так, бойцы, – майор, заложив руки за спину, медленно двинулся вдоль строя, – командование решило перевести нашу роту на Тэрту в системе Макран, заменив потрёпанные в боях войска свежими. Сразу предупреждаю: обстановка на планете беспокойная. Несмотря на то, что война окончена, планета находится в неполной оккупации. Отдельные фанатичные группы клонов, обвинив Народный Диван в предательстве, продолжают сопротивление, ведя партизанскую борьбу. Поэтому мы должны находиться в состоянии боевой готовности и, если понадобится, вступить в бой сразу по приземлению, как говорится, с борта нашего транспорта.

Глыбов дошёл до конца строя и, развернувшись чётко, на одних каблуках, пошёл в обратную сторону, продолжив:

– В связи с тем, что флот сейчас перегружен перебазируванием войск, для переброски на Тэрту нашей роты было привлечено гражданское судно – транспортный корабль Европейской директории «Гулуза». Я надеюсь, вы все понимаете, что за время перелёта мы должны показать железную дисциплину!.. – Майор остановился и обвёл подчинённых суровым взором.

– Сейчас мы проследуем на территорию космодрома, помните, что это режимный объект и охрана там сперва стреляет, а уж затем разбирается. Поэтому – спокойно ожидаем транспорт, который отвезёт нас к кораблю. Погрузка наших танков, как мне сообщили, почти закончена, поэтому сразу грузимся на борт и готовимся к взлёту. На орбите уже ждёт фрегат «Отчаянный», он будет сопровождать нас до орбиты Тэрты. Я надеюсь, что никто из вас во время этого полёта не заставит меня краснеть.

Это был любимый способ их командира поддерживать дисциплину. Заставить Глыбова краснеть означало нажать себе как минимум несколько дней гауптвахты.

– Вопросы есть?.. – майор выдержал небольшую паузу. – Вольно!

Иван хорошо понимал, что их транспорт на самом деле был небольшим, особенно в сравнении с аналогичными кораблями военно-космического флота, но сейчас «Гулуза» казалась ему просто огромной. Тёмно-серая со стальным отливом громадина жила своей жизнью. Внутри неё что-то урчало, шипело, стучало и звенело, а снаружи, совсем как стая огромных муравьёв, суетился обслуживающий персонал, затаскивая в открытые створки грузового отсека контейнеры, бочки и коробки.

– Потапов! – Майор, уже успевший побывать внутри судна, сейчас спускался по трапу. – Обернись, везут последние танки, твоего взвода.

Иван отвернулся от корабля и увидел два приближающихся тягача, на двухэтажных полуприцепах стояли танки Т-10 в свежем пустынном камуфляже.

– А ты чего тут торчишь? Все твои уже погрузились, – Глыбов, спустившись, подошёл к нему.

– Да так, осматриваюсь, ещё успею погрузиться.

– Ясно, – майор вдруг широко улыбнулся. – Точно, вспомнил, это же ты хотел пилотом флуггера, а попал к нам в танкисты.

– Было дело, товарищ майор.

– Понимаю, самого все эти космические аппараты заворачивают. Но вот что я тебе скажу...

Договорить ему не дал появившийся из-за транспортника лёгкий пассажирский вертолёт в тёмно-зелёной военной окраске. Сделав круг, винтокрылая машина плавно опустилась на бетонное поле космодрома всего в десятке метров от них. Выскочивший из неё человек в форме полковника интендантской службы, пригнувшись, направился в их сторону, одной рукой придерживая фуражку и сжимая в другой блестящий стальной кейс.

Вертолёт взревел и буквально прыгнул в небо, не оставляя сомнений в том, что привёз им ещё одного, похоже внепланового, пассажира.

– Товарищи офицеры, – подошедший отдал честь. – Полковник Арсеньев Кирилл Андреевич, интендантская служба. подбросите до Тэрты?

Прибывший широко улыбнулся.

– Да мы-то и сами пассажиры, товарищ полковник... Майор Глыбов, а это мой лейтенант, Потапов.

– Тогда пойду искать капитана, я должен был лететь на другом корабле, но у него возникли технические проблемы, на мою удачу подвернулись вы.

– Пойдёмте вместе, полковник. – Майор обернулся к лейтенанту. – Пошли, Потапов, погрузка почти закончена. Не хватало мне ещё, чтобы тебя случайно забыли.

Иван огляделся: пока они встречали новопривывшего, рабочие уже заканчивали погрузку танков. Причин задерживаться не было, и он направился следом за старшими офицерами.

Первой точкой их Х-перехода была Фиваида. Перевалочная система на пути к Тремизианскому поясу и удобная позиция для дальнейшего прыжка на Тэрту. Иван успел отложить книгу как раз перед тем, как судно начало Х-переход и его накрыло «липкое безвременье» Х-матрицы. Это было далеко не первое его путешествие. В детстве довелось побывать пару раз на Марсе, а туда летают тоже с Х-переходом. Поэтому, хоть ощущения и нельзя было назвать приятными, он перенёс межзвёздное перемещение в Х-матрице вполне нормально.

«Гулуза» была не круизным лайнером, и в тесных каютах для возможных пассажиров иллюминаторы предусмотрены не были. Единственный способ увидеть удивительный дуэт двух звёзд этой системы, Фебы и Аиды, можно было только в кают-компании, имеющей обзорные иллюминаторы.

Он уже был на полпути, когда включилась сирена, оповещающая о чрезвычайной ситуации на борту. Инструкция по поводу того, что делать в этом случае, им зачитали ещё перед взлётом. Если врубилась сирена, хватайся за специальные поручни или любые детали интерьера, прикрученные к переборкам. Едва он успел вцепиться в ближайший поручень, как раздался страшный удар, и всё судно сильно тряхнуло. Затем последовало ещё несколько более слабых ударов, завершившихся внутренним взрывом. Иван услышал характерный хлопок, и пол буквально ушёл у него из-под ног. Он чудом не ударился головой о стену, в последний момент успел подставить плечо. Свет мигнул и погас, впрочем, темнота тут же развеялась красным светом аварийных ламп.

Обалдевший от происходящего, он какое-то время стоял, крепко вцепившись обеими руками в поручень, почти не обращая внимания на пульсирующую боль в ушибленном плече.

– Говорит капитан! – разнеслось по всему кораблю из репродукторов. – Мы были атакованы клонскими кораблями. Сейчас «Отчаянный» ведёт бой с рейдерами, а нам удалось покинуть зону обстрела. Прошу всех пассажиров сохранять спокойствие и не покидать своих кают – для вашей же безопасности. Все пострадавшие должны немедленно обратиться в лазарет. Всех старших офицеров прошу пройти в рубку. Экипажу доложить об обнаруженных повреждениях и состоянии корабельных систем.

– Ну, надо же. Первый мой межзвёздный полёт, и сразу же на клонов нарвались, и это когда война-то уже закончилась, – Иван даже не заметил, что сказал это вслух.

Ещё немного осмыслив происходящее, он отпустил поручень и рысцой бросился по коридору.

Буквально влетев в рубку, Иван чуть не столкнулся с Глыбовым.

– Потапов?! Какого чёрта ты тут делаешь? – в голосе майора было неприкрытое удивление.

– Я... Я недалеко был, – он начал импровизировать на ходу, – а тут слышу, всех офицеров в рубку, думаю, вдруг пригожусь.

– Лейтенант! Что за детский сад, а ну марш к себе в каюту...

– Что здесь происходит? – прервал майора высокий мужчина лет пятидесяти с точёными аристократичными чертами лица в капитанской форме гражданского космофлота.

– Да вот, лейтенант мой, подумал, что он может нам пригодиться.

Капитан смерил Ивана внимательным взглядом.

– Я гляжу, лейтенант у вас романтик. – Он улыбнулся. – Пускай остаётся здесь, это безопаснее, чем если он будет разгуливать по кораблю. А может, даже и правда чем пригодится.

Капитан развернулся и направился к своему креслу в центре рубки.

Иван проводил его взглядом и повернулся к Глыбову. Весь вид майора как бы говорил: ну погоди у меня, как только всё это закончится, я с тобой разберусь.

– Капитан, – один из офицеров отвернулся от своего пульта, – Диего докладывает, что конвертеру конец. Без капитального ремонта его не восстановить. Мы лишились Х-двигателя.

– Плохо дело, – капитан вздохнул, – чёртовы клоны, хорошо хоть до Иокасты всего чуть больше суток пути.

– Откуда они тут вообще взялись, война-то уже закончилась, – спросил один из членов экипажа.

– Позвольте мне ответить на этот вопрос, – раздался вдруг знакомый Ивану голос.

Он обернулся, уже догадываясь, кого увидит. Точно, в дверях рубки стоял полковник Арсентьев – при полном параде со своим кейсом в руках.

Выждав тактичную паузу, во время которой все в рубке разглядывали вошедшего, он продолжил:

– Война не окончилась и, наверное, ещё долго не закончится. Завершилась лишь её активная часть. Конкордия попыталась грубой силой устранить своего противника и потерпела неудачу, – говоря это, полковник медленно прошёл через всю рубку к главному пульту управления, провожаемый любопытными взглядами, – но это лишь одна битва в грядущем противостоянии двух держав. Скорее всего, самая яркая и ужасная, но не последняя. Корабли, атаковавшие нас, скорее всего, играют роль непримиримых остатков фанатично настроенных военных, не подчинившихся приказу официальных властей Конкордии. Но шансы на то, что они действуют по тайному приказу, весьма велики.

«А этот Арсентьев умеет эффектно появляться», – подумал Иван, наблюдая за потрясённой командой.

Обведя взглядом застывших людей в рубке, полковник, видимо, решил брать ситуацию в свои руки.

– Мы можем увидеть, что там происходит?

– Да, конечно, – ответил капитан. – Кэтрин?

– Вывожу картинку на главный экран, сэр, – ответила девушка, повернувшись к своему пульту.

Через несколько секунд вместо чёрного безмолвия космоса, усыпанного миллиардами звёзд, на экране возникли три быстро передвигающихся точки. Изображение дёрнулось и плавно «пошло» вперёд, оптические приборы на транспортнике значительно уступали по возможности даже танковым, отметил про себя Иван. Картинка тем временем уже стала обретать смысл, военные корабли из точек превратились в силуэты, стало даже видно окружающие их разрывы. Никаких лучей лазера и следов ракет, как в фильмах, Иван не увидел. «Вот так оно всегда и бывает, в кино всё куда красивее, чем на самом деле», – он мысленно вздохнул от разочарования.

– Так, – многозначительно произнёс Арсентьев, – это не очень хорошо. Два клонских фрегата, один типа «Шиватир», второй типа «Киш два». Оба, судя по всему, изрядно потрепаны, но боеспособны.

– «Отчаянный» справится? – раздался чей-то испуганный голос.

– Шансы есть, – ответил полковник, – особенно если корабли клонов сильно потрёпаны.

Как бы в подтверждение его слов на борту «Киша» произошло несколько разрывов, и фрегат, как будто, даже дёрнулся в сторону от противника. Рубка «Тулузы» тут же взорвалась радостными криками.

Бой длился всего-то пять-шесть минут, но Ивану они казались вечностью. Он зачарованно следил за пируэтами фрегатов, радуясь каждому попаданию «Отчаянного». Конечно, клоны тоже осыпали наш фрегат удачными попаданиями, но казалось, что ещё немного – и победа будет за нами.

– О нет, капитан! – голос девушки, сидящей за пультом штурмана, дрогнул. – Они решили таранить «Отчаянный»!

Картинка на центральном экране ещё немного увеличилась, теперь фрегат «Отчаянный» занимал большую её часть. Стало видно, что корпус корабля пробит в нескольких местах, а двигатели, видимо, были повреждены, судя по неровным вспышкам, освещающим дюзы.

Теперь всем было видно надвигающийся на «Отчаянный» вражеский фрегат. Несмотря на то, что он оставлял за собой кучу разлетающегося мусора, а один из бортов обнажил шпангоуты, клонский корабль всё ещё продолжал стрелять и двигался прямо на своего противника. Все поняли, что избежать столкновения уже никак не удастся, и люди на «Тулузе», затаив дыхание, наблюдали за тем, как решается их судьба.

Два фрегата столкнулись, сплетаясь на мгновение в единое целое, а затем, развалившись на две большие части, «Отчаянный» перестал существовать как боевая единица. «Кишу» досталось ещё больше. Вначале он как бы сморщился, как раздавленная алюминиевая банка, а затем, сотрясаемый внутренними взрывами, рассыпался на десятки различных фрагментов.

На их счастье, «Шиватир» был тоже порядком потрёпан. Сейчас он волочил за собой шлейф из «дыма», а на корпусе виднелись рваные пробоины. Но в отличие от сопровождавшего их фрегата, враг был лишь ранен и сейчас менял курс, явно начиная погоню за беззащитным транспортом.

– Он лёг на курс преследования, капитан, при текущем ускорении догонит нас часа через два, – ответила на повисший немой вопрос всё та же девушка-штурман.

– Спасибо, Кэтрин, – капитан сгорбился в кресле, постукивая пальцами правой руки по подлокотнику. – Плохо дело. Уйти в X-матрицу мы не сможем, и они про это знают, так как били нас наверняка – прямо в двигатель. А помощи ждать так быстро неоткуда...

В рубке наступила напряжённая тишина, нарушаемая лишь гудением вентиляции. «Тулуза» была гражданским транспортником и не имела никакого вооружения, бесполезно даже пытаться протаранить вражеский фрегат, надеясь на большой тоннаж транспортника, он расстреляет их раньше.

План был спонтанным и странным, но неожиданно чётким. Иван даже удивился, как он мог прийти ему в голову. Немного помявшись и взвесив все за и против, он зачем-то поднял руку и громко произнёс:

– Я знаю, что надо делать.

В ту же секунду на него уставились десятки глаз.

– Потапов! Что ты себе позволяешь, – почти зарычал майор.

– Подождите, – раздался голос полковника, – и что же вы думаете нам надо делать?

– Ну... – замялся от такого внимания Иван, – мне тут пришло в голову, что мы можем...

Клонский корабль приближался к удирающему на всех парах транспортнику. Было очевидно, что он хочет взять «Гулузу» на бордаж. Конечно, шанс отбиться был, всё же на борту находились военные. Но танкисты – это не ОСНАЗ, а на «Шиватире» наверняка находились десантники, подготовленные для таких операций.

В рубке транспортника, тем не менее, не чувствовалось никакого фатализма, команда занимала свои места, словно готовясь к бою. На их лицах была деловая сосредоточенность, только сидящий в своём кресле капитан нервно постукивал пальцами по подлокотнику.

– Волнуетесь, – спросил его стоящий рядом полковник.

– Трудно не волноваться, – ответил капитан, – признаться, я не так представлял себе свою кончину.

– Вы не верите в удачу?

– Стараюсь поверить... Конечно, шансы есть, но это всё же военный корабль, способный уничтожить сотни таких транспортов как наш.

– Сомневаюсь, что их цель – наше уничтожение. Если бы хотели, давно бы пустили нас в расход, а они пытаются взять на бордаж. Но вы правы, причины волноваться есть, особенно для таких реалистов как мы, не привыкших полагаться на удачу, – Арсентьев вздохнул и тоже постучал пальцами по сжимаемому в левой руке кейсу.

– Зачем вы с ним таскаетесь? – Капитан взглядом указал на кейс. – Оставили бы в каюте, там есть сейф.

– В данный момент я куда более незначительная фигура, чем содержимое этого кейса, – ответил полковник, демонстрируя наручники, пристёгивавшие кейс к его руке.

– Как знаете, – равнодушно ответил капитан, обращая всё своё внимание на главный экран рубки.

Расстояние между кораблями быстро сокращалась, бордажные команды на борту рейдера наверняка уже заряжали оружие, когда транспортник прекратил ускоряться и начал делать перекат с борта на борт. Старая уловка: раскрутить корабль, чтобы врагу было сложнее прицелиться к борту судна. Наверняка клонский капитан на это только усмехнулся, но ненадолго, потому что дальнейшее было для него полной неожиданностью. С другого бока транспортника в клонов нацелилась дюжина танковых стволов.

Всё то время, пока клонский рейдер медленно нагонял их, танкисты не сидели без дела. Тогда в рубке Иван предложил выгадать несколько танков на внешний

корпус судна и, подпустив врага поближе, дать бой. После нескольких минут жарких дебатов все согласились, что это лучше, чем ничего не делать.

В срочном порядке четыре танковых взвода начали разворачивать на борту транспорта. К танку цепляли пару тросов, после чего он, запустив двигатель, разогнался в трюме и выскакивал через открытый шлюз космос. Оказавшийся в невесомости танк лебёдками подводили к нужному месту и крепили на корпусе теми же самыми тросами, чтобы при стрельбе он не пытался улететь в космос. Машины ставили специально с противоположной от приближающегося фрегата стороны корпуса, чтобы противник не заметил странную возню и не насторожился.

– Вижу его, – раздался голос наводчика, – прицел взят.

– Огонь! – скомандовал в ответ Иван. Танк привычно вздрогнул, выплюнув из ствола двадцатипятимиллиметровый снаряд, изменилось лишь звуковое сопровождение: вместо могучего раската лейтенант услышал лишь небольшой шлепок, переданный его скафандру через конструкцию танка.

Но это было лишь начало, танк Т-10 имел на вооружении ещё и противотанковые ракеты и зенитную турель со сдвоенной пушкой калибром двадцать пять миллиметров.

Двадцать четыре кумулятивные противотанковые ракеты отправились вслед за первым залпом главных орудий, а сразу за ракетами короткие очереди по шесть снарядов выдали зенитки. К этому времени автомат заряжания уже подготовил к стрельбе главный калибр танков – и всё повторилось.

Если бы клоны подозревали о готовящемся им сюрпризе, они легко ушли бы от атаки, сбив большую часть снарядов и ракет, но их пилоты слишком поздно поняли, что происходит, а корабль был слишком повреждён, чтобы отреагировать на угрозу с нужной скоростью.

Большая часть первого залпа танков достигла цели. Созданные для поражения тяжело бронированных боевых машин, снаряды столь же успешно вспарывали стальные борта устаревшего фрегата. Клоны практически сразу же лишились большей части абордажных команд, а заодно и двигателей на пару со вспомогательным реактором. Потеряв ход, корабль стал лёгкой мишенью, но ещё мог жалить своими лазерными орудиями.

Соседняя с танком Ивана боевая машина вдруг раскалилась и лопнула градом металлических осколков. Это был экипаж Матвеева из его взвода. Лейтенант неожиданно вспомнил тот уже казавшийся давним разговор с Зориным, как он тогда закончил: «Дай бог тебе никогда не хоронить павших в бою товарищей». Увы, похоже, придётся. Однако отвлекаться было некогда, хоть бой уже и близок к завершению, но ещё не закончен. Иван лихорадочно шарил по совершенно незнакомой ему конструкции военного корабля, пытаясь определить расположение вражеских орудий и перенаправить огонь своих танков, в первую очередь, для их поражения.

Танк Т-10 был отличной боевой машиной, предназначенной для сражений даже в полном вакууме. Но его изобретателям даже в голову не могло

прийти, что когда-нибудь их детищу придётся столкнуться в бою с настоящим космическим фрегатом, да ещё и в столь враждебном для танка окружении. Толку от автоматической системы наведения не было никакого. Экипажам приходилось самим производить наведение на цель, учитывая погрешность на смещение кораблей и то, что снаряды теперь летели совершенно прямо, а не по привычной для танкистов настильной траектории.

Орудия фрегата удалось вывести из строя только четвёртому залпу. Цель к этому времени уже практически полностью потеряла ход и начала хаотичное вращение, огонь танков уже невозможно было скорректировать для поражения каких-то конкретных точек. Поэтому стреляли уже наобум, главное было – просто попасть в противника.

Последний, шестой, залп только что покинул орудия, и командиры танков уже готовились к новому, как внутри фрегата что-то взорвалось с такой силой, что корабль переломило пополам, как спичку.

Иван облегчённо вздохнул, чувствуя, как на него накатывается дикая усталость.

– Мы победили!!! – Эфир буквально взорвался радостными возгласами.
– Потапов, живой? – раздался сквозь радостный шум голос Глыбова.
– Живой, товарищ майор.
– Ну, молоток! Ну, удивил! Будь уверен, как до базы доберёмся, лично буду просить представить тебя к медали...

Потом было ещё много всего – и корабельный банкет, где он краснел, оказавшись главной персоной, и появление «спасателей» часов через шесть. Похороны погибших товарищей и письма их семьям. И, конечно, награждение медалью.

А на Тэрту я так и не попал. После такого путешествия нас вначале вернули на Землю, а потом перебросили на Екатерину.

Но в настоящих боевых действиях мне больше так и не удалось поучаствовать. И сейчас я об этом совершенно не жалею.

Почему клоны напали на военный конвой?.. Точно нам так и не сказали, намекнули только, что клоны нас там ждали специально, а главной целью был тот кейс полковника интендантской службы. А что он там такое вёз, увы, мне неизвестно.

Такая вот моя история – история настоящего космического боя танков с военным кораблём.

*Написано на конкурс «Танки в космосе» в 2011 году
редакция 2012года*

Коротко об авторах

Агеев Семён Артёмович родился 10 августа 1995 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в марте 2018 года.

Егоров Константин Кузьмич родился 13 февраля 1969 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в 1999 г.

Калашникова Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» – с 2011 года.

Колесова Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в г. Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г.

Мурахтина Мария Сергеевна (в интернете – Бракованный Киборг) родилась 16 марта 2004 года в Новокузнецке. С сентября 2022 года – студентка первого курса Кемеровского медицинского университета по специальности педиатрия. В КЛФ «Контакт» пришла в январе 2022 года. В данном сборнике – её первая публикация.

Сафонов Олег Александрович родился 14 марта 1974 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в апреле 2022 года

Соколов Юрий Юрьевич. Живёт в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2010 г.

Соколова Ланида Александровна родилась 9 октября 1977 года в городе Калтан Кемеровской области. В Новокузнецке живёт с семи лет. В КЛФ «Контакт» пришла осенью 2018 года.

Баховец Николай Васильевич родился 17 марта 1978 года в Кемерово. Капитан Кемеровского КЛФ «Странник».

Оглавление

Семён АГЕЕВ	
Не враг. Противник.....	3
Константин ЕГОРОВ	
Как зародилась жизнь на Земле.....	5
Иван-дурак и Бабыя Яга.....	5
Пунктуалов и Перст Судьбы.....	6
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Проклятье и милость	8
Наталья КОЛЕСОВА	
ПОНЕДЕЛЬНИК.....	14
Мария МУРАХТИНА	
Синий огонь.....	28
Олег САФОНОВ	
Простое движение.....	33
Юрий СОКОЛОВ	
Айхамар	39
Ланида СОКОЛОВА	
ЧЁРТОВА ВОРОЖБА	55
Николай БАХОВЕЦ	
Танкист	58
Коротко об авторах.....	70

Литературно-художественное издание

Синий огонь

Рассказы и отрывки из романов и повестей

*Составление, вёрстка, корректура,
ответственный за выпуск –*

Калашников Н.Н.

На первой странице обложки – рисунок из интернета.

Тираж – 30 экз.

Почему-то уже не казалось, что это игра, пусть даже самая серьёзная. И я, поддавшись этому неожиданному интересу, действительно представил, как у меня в руке горит маленький огонёк. Я не видел его, но чувствовал, как он, пока неоформленный, неясный, повис над моими ладонями. Осталось просто вложить в него немного силы, как зажечь спичку. Очень легко.

– Смотри, получилось!

Я приоткрыл глаза, которые, оказывается, закрыл. И увидел маленький синий огонёк. Мой огонёк. Вздрогнул от неожиданности, чуть было не затушив его случайно.

– Какой странный цвет... Наверное, ты – потомок Аморклов, да?

– Кого-кого? – это странное слово было похоже на птичье курлыкание и ассоциировалось с чем-то птичьим. И вроде бы знакомым...

– Ну, Аморклов, – сказал он таким тоном, будто поясняет нечто крайне очевидное. – Это очень древний род, в котором у всех дар синего огня. Они немного люди и немного птицы. И у них почти всегда чёрные волосы и синие глаза. О них было написано в маминой книге. В ней вообще было много чего написано. Только её ребята чуть не отобрали и не порвали, потому что они мне не верят... – Он убрал свои руки от моих. Огонёк тут же начал гаснуть. Я постарался его удержать, но ничего не получилось.

Мария Мурахтина. Синий огонь

